
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Сергей Крестьянкин*
(г. Тула)

ЗАДЕРЖАЛ

Карантин закончился. Молодое пополнение прошло определенную подготовку, приняло присягу и влилось в многочисленный коллектив воинской части.

Почти сразу кто-то заступил в наряд, кто-то поехал на учения, а кого-то отправили выполнять спецзадание.

Виктор Лебедев попал в наряд по штабу округа. В свой первый наряд он стоял на дверях уже в 8 часов и готовился проверять пропуска офицеров идущих на работу.

Предварительно он получил четкие инструкции. А до этого были долгие занятия по тренировке памяти на лица. Из стопки фотографий, которые ему показывали в течение 2—3 секунд, надо было выбрать двух одинаковых людей, а порой трех и даже четверых, одетых в разные одежды, с бородой, без усов, лысого, смеющегося, развернутого в профиль.

У Виктора с детства была прекрасная память на лица, поэтому с такими заданиями он справлялся всегда на «отлично».

Лебедев посмотрел на часы, висящие в глубине коридора. 8-30. Он открыл дверь и отошел в сторону. Поправил автомат, висящий на плече и штык-нож на поясе. Он немного волновался и был напряжен. Все-таки первый день службы.

Виктор еще раз осмотрел себя внимательно. Китель «парадки» застегнут, лишних складок под ремнем не образовалось. Брюки отглажены так, что кажется, стрелками можно обрезать. Сапоги отполированы на совесть.

А вот и первый офицер. Им оказался майор невысокого роста, довольно упитанный. Чувствовалось, что в марш-бросках он давно не участвовал, да и строевой подготовкой не занимался уже несколько лет.

Он неторопливо вошел в штаб, посмотрел на солдата стоящего по стойке смирно, отдал честь и спросил:

— Пропуск показывать?

— Так точно,— был ответ.

После того, как охранник сличил фотографию с оригиналом, он кивнул, пропуская офицера в штаб.

---

* Наш постоянный автор.

Следующий был капитан, затем подполковник, еще один майор, два лейтенанта. После чего они пошли сплошным потоком, торопясь не опоздать на службу.

И каждый входящий, видя новое лицо охранника, задерживался перед ним на пару секунд, предъявляя документ, дающий право находиться в штабе.

Затем поток людей резко иссяк.

Без пяти девять у входных дверей штаба со стороны улицы начали собираться офицеры, но почему-то внутрь войти они не спешили. Их взор был обращен в сторону КПШ. Капитан открыл дверь, но все топталось на месте, хотя и чувствовалось, что все они реально опоздавшие на службу. Значит, кого-то ждут. И действительно, через несколько секунд в поле зрения часового появился генерал-майор, подошедший к штабу пешком. Он козырнул офицерам и вошел в открытые стеклянные двери. Офицеры гурьбой повалили за ним.

Подняв руку в приветствии и отдав честь часовому, стоящему по стойке смирно, генерал сделал шаг по коридору, но тут же услышал:

— Предъявите пропуск!

Генерал-майор остановился, неторопливо повернул голову налево и внимательно посмотрел на солдата, как бы уточняя: к нему ли была обращена эта фраза:

— Товарищ солдат, это вы мне?

— Так точно, товарищ генерал-майор. Предъявите пропуск!

Брови генерала от удивления взметнулись вверх.

— Сынок, ты, наверное, недавно служишь и еще не знаешь. Я — генерал-майор Камнев.

— Это же начальник штаба округа! — крикнул кто-то из офицеров, стоящих за спиной генерала.

— Совершенно верно, — подтвердил генерал и добавил:

— Того самого штаба, в котором мы сейчас находимся, и который вы, товарищ солдат, охраняете.

— Сегодня у меня первый день службы. Я никого в лицо не знаю. Поэтому охотно вам поверю, если вы предъявите мне свой пропуск.

— Вот значит как, — опешил генерал, давно не попадавший в такую ситуацию.

— Ну что, на работу сегодня уже все равно опоздали. Может быть, по рублю и в школу не пойдем! — крикнул из стеклянного тамбура какой-то старший лейтенант. Он засмеялся, но его никто не поддержал, поэтому свой смех он перевел в кашель и в итоге замолчал.

— Дело в том, что я надел сегодня новый китель и пропуск не переложил, — начал оправдываться генерал. — Ну, забыл я его. Может, сегодня пропустите меня под честное слово, а завтра я непременно приду с пропуском? — произнося предложение, Камнев не спрашивал, а как бы пояснял, расставляя точки над «і» и, думая, что убедил солдата, он, повернувшись, хотел уже идти по коридору. Но не тут-то было.

— Стоять! — услышал начальник штаба окрик часового, который снял с плеча автомат и держал его в руках, не направляя на Камнева.

Офицеры, которые было, двинулись за генералом, посчитав, что инцидент исчерпан, отхлынули обратно в стеклянный тамбур.

— Я же объяснил ситуацию. С кем не бывает. Или что-то непонятно? — начал возмущаться генерал-майор.

— Так точно. Ситуация ясна, — коротко ответил дневальный и неожиданно добавил:

— Но грош мне цена будет как часовому, если я стану всех подряд пропускать в штаб без документов, игнорируя приказы и не выполняя инструкции. А если, вдруг, война и враги попытаются проникнуть в штаб за секретной информацией?

Камнев выслушал речь солдата, кивнул на автомат и спросил:

— И вы, что, намерены стрелять?

— Первый — предупредительный в воздух,— ответил Лебедев.

— А второй?

Ответить часовой не успел, так как из-за угла выскочил дежурный по штабу капитан, на ходу придерживая фуражку рукой. Чувствовалось, что ему уже кто-то доложил о том, что часовой задержал Камнева.

— Товарищ генерал-майор,— поднимая руку к козырьку, начал он, но генерал его прервал.

— Я уже вижу, капитан, что вы в курсе. Что нам делать в этой ситуации?

— Сейчас разберемся.

Он повернулся к солдату:

— Товарищ рядовой, повесьте автомат на плечо. Я вам приказываю пропустить генерал-майора. Все ясно?

— Так точно,— Лебедев закинул автомат за спину и встал по стойке смирно.

— Товарищ генерал-майор, все в порядке, можете проходить. А с солдатом я разберусь. Он будет наказан.

Камнев неторопливо пошел по коридору, о чем-то думая и одновременно прислушиваясь к тому, что говорил дежурный по штабу дневальному.

Опоздавшие офицеры гуськом потянулись за генералом, боясь его обогнать, видя, что настроение тому испортили с утра.

— Товарищ солдат, вы что — охренели!?! — громким шепотом кричал капитан.— Задержали самого начальника штаба. Лебедев, по тебе гауптвахта плачет. Ты у меня из нарядов вылезать не будешь. Котлы на кухне чистить и туалеты надраивать до блеска. Я тебя снимаю с наряда. Сдать автомат и штык-нож в оружейку и доложить ротному, что у тебя пять нарядов вне очереди.

— Отставить, капитан,— услышал офицер и повернул голову.

Это был Камнев.

Офицеры замерли вдоль стены.

Генерал возвращался к входной двери:

— Товарищ капитан, а за что мы должны наказывать этого солдата? За то, что он добросовестно выполнил свой долг? Выполняя мое, кстати, распоряжение по поводу пропусков, он задержал человека без пропуска. Ну и что, что им оказался я? Значит, если идет генерал, то часовой должен, растопырив глаза, того пропустить, веря ему на слово? Действительно, грош цена такому часовому.

Офицеры, проскочившие мимо генерала, завернули за угол, но не уходили, а, выглядывая оттуда, наблюдали за дальнейшим развитием событий.

— Как вас зовут, товарищ солдат?

— Виктор Лебедев.

— А лет сколько?

— 23.

— А почему так поздно в армию попали?

— Я закончил институт. Имею высшее образование.

— Интересно,— промолвил генерал.— А из какого города?

— Из Орла.

— Ты смотри, капитан, какие орлы у нас служат, а ты его на гауптвахту или туалеты чистить. Неправильно это. Несправедливо как-то. Значит так. Солдата этого с поста не снимать. Все наряды вне очереди отменить. Будем считать, что это была моя проверка молодого пополнения. Инцидент, можно сказать, исчерпан. Вам все ясно, товарищ капитан?

— Так точно!

— А вам, рядовой Лебедев из Орла, от лица командования объявляю благодарность за отличную службу,— поднеся руку к козырьку, произнес Камнев.

— Лебедев, ты что, язык проглотил? — сквозь зубы спросил капитан.

— А! Служу Советскому Союзу! — опомнившись, ответил тот.

— Да. И вот еще что, пожалуй. Товарищ капитан, этот солдат должен быть завтра утром в моем кабинете в 9:00 с увольнительной в руках. Я лично ему завтра подпишу. А пропуска носить всем. Это касается и тех, кто выглядывает из-за угла,— чуть громче сказал Камнев.— Всем все ясно?

— Так точно! — крикнули из-за угла несколько голосов, и их обладателей после этого как ветром сдуло.

«АНГЛИЧАНИН»

Поговорили

Вечерело.

Остановка трамвая. Люди в ожидании транспорта, все как один, смотрят налево.

Трамвая давно нет. Народу скопилось прилично.

К остановке подошел представительный мужчина. Коротко подстрижен, щеки хорошо выбриты. На нем был надет добротный костюм, белая рубашка, галстук. В руках он держал портфель.

Он посмотрел в направлении, откуда должен был появиться трамвай, окинул взглядом всех присутствующих и обратился ко мне, как к ближайшему из стоящих. Но, как ни странно, говорить он стал по-английски. По крайней мере, было похоже на то. Я английский не знаю, так как в школе и институте изучал немецкий. Подумал, что разговаривают не со мной, а с каким-нибудь негром или испанцем, стоящим рядом. У нас в городе много учатся таких в институтах. Покрутил головой, осматриваясь. Но вокруг были лица только славянской национальности. «Странно, я, что похож на англичанина? — подумал я.— Это конечно приятно, но...»

Я внимательно посмотрел на мужчину. Он с хитрым прищуром смотрел на меня, любуясь произведенным эффектом, продолжая о чем-то мне втолковывать.

У меня создалось впечатление, что он продельвает такое не впервые, и это ему нравится. Игру он себе своеобразную придумал. В центральной полосе России разговаривать по-английски с пожилыми женщинами, стариками, мужиками, едущими с работы с завода, молодыми девушками и так далее.

Говорил он, наверно, по-английски, но я бы сказал с русским акцентом, если можно так выразиться. То есть слова были не мелодично-певучие, а произносимые в чистом виде. Скорее всего, он работал учителем в школе или техникуме.

Ну, думаю, подыграю «англичанину». Мы ведь тоже не лыком шиты. Как-никак у меня большая театральная практика. И занятия с нами проводили добротные. И то, чем я буду сейчас заниматься, называется: «Я в предлагаемых обстоятельствах».

Я взял и ответил спрашивающему на хорошем «английском» языке, то есть на абракадабре, усиленно выворачивая и заламывая язык, чтобы было более похоже.

Ожидаящий трамвая говорун к тому времени слегка отвлекся, поэтому, услышав мои слова, повернул ко мне голову, наморщил лоб и что-то спросил.

Я ответил целой тирадой «по-английски» посмотрел вокруг и развел руками.

Мой собеседник слегка опешил, не ожидавший ничего подобного. Я почувствовал, что он к такому повороту событий был совсем не готов.

«Как же так,— выражало его лицо.— Это он говорит по-английски, а ответить ему никто не может». По крайней мере, так, наверное, было до сегодняшнего дня. И вдруг на тебе. Нашелся... какой-то...

После мимолетного замешательства мой собеседник аккуратно подбирая слова, произнес какую-то фразу.

И я решил: уж играть спектакль, так до конца и не вырубаться, как нас учили, ни при каких обстоятельствах.

Варьируя языком и четко артикулируя губами, я начал вести разговор с «англичанином», усиленно ему что-то объясняя, показывая руками в разные стороны на дома, людей на противоположной стороне улицы, на проносящиеся мимо автомобили, на подъехавший к остановке долгожданный трамвай, указывая пальцем на моего собеседника и раскрывая ладони обеих рук перед лицом мужчины в костюме.

Все сели в трамвай и я в том числе перед самым закрытием дверей, напоследок что-то крикнув своему собеседнику «по-английски».

Трамвай отъехал.

На остановке остался только один человек — «англичанин». Он, опешивши, смотрел вслед и, наверное, думал: «Что это такое было? Ничего себе поговорили...»

ПОЛОМАННЫЙ ПРИБОР ИЛИ РУССКАЯ СМЕКАЛКА

Утро. Транспортное предприятие. Начало рабочего дня. Водители сплошным потоком тянутся к медпункту, чтобы пройти освидетельствование на отсутствие алкоголя в организме и спокойно выехать в рейс. Кто-то быстрым шагом проходит в медпункт, бодро возвращается обратно, садится в машину и выезжает из гаража. Менее уверенные в своих силах не спеша подходят к зданию, где расположилась медкомната, здороваются со знакомыми, ведут неспешные разговоры (как будто никуда им ехать не надо), дышат свежим воздухом, глубоко при этом вдыхая и как можно сильнее стараются выдохнуть, дабы прочистить легкие и пищевод с желудком, наивно полагая, что это поможет, чтобы прибор не показал даже остаточное содержание спиртного после вчерашней вечерней гульбы с ребятами.

Но есть и такие, которые спрятались среди машин и, выглядывая оттуда, наблюдают за товарищами и за окружающей обстановкой, решая, что же им предпринять, дабы обмануть прибор, тем более, что водкой от них разит за километр.

Среди таких и Леха: тридцатилетний мужичок невысокого роста, сидящий на подножии автомобиля и нервно курящий (одну за другой) папиросы «Беломорканал». Докурив очередную папиросу, он загасил ее о подошву сапога и втоптал в грязь. Достал пачку, но новую брать не стал. О чем-то задумался и, видимо придя, наконец, к какому-то решению, быстро положил ее в карман куртки, даже не раскрывая. Открыл дверь кабины, достал небольшую бутылку с жидкостью, похожей на солярку, вынул пробку и сделал пару небольших глотков прямо из горлышка. Весь сморщился, скривился, потом крякнул, то ли от удовольствия, то ли от гадости, которую только что выпил, вытер губы тыльной стороной ладони, закрыл бутылку и убрал ее обратно в кабину. После чего резко встал и уверенным шагом направился в медпункт.

Леха был, наверное, самым последним, потому что когда он вошел в кабинет, водителей там уже не было, а Нина Ивановна заполняла бланки: какое количество водителей она выпустила на линию, а кого пришлось отстранить.

Нина Ивановна оторвалась от своего занятия и посмотрела на вошедшего.

— Вот пришел на освидетельствование, — тщательно выговаривая последнее слово, произнес Леха.

— Что ж так поздно, милоч? — ласково поинтересовалась медсестра.

— Да что-то съел с утра и мутило. Даже вырвало. А сейчас вроде все нормально, — горестно ворковал шофер.

— А может, не съел, а выпил? — улыбнулась Нина Ивановна.
— Дык, это, как его... Не пил я. Только ел.
— Батюшки! — всплеснула руками медработник.— Андерсен ты наш, местного значения. Да ты еще в комнату не вошел, а я чуть со стула не упала. От тебя водкой за версту несет
— Дык, это. Парфюм у меня такой, наверное. Может, в трубку дунем? — предложил Леха.
— Значит, говоришь, парфюм у тебя такой? Ну что ж, подходи, соколик, давай дунем.
Водитель уверенно подошел к столу, взял трубку и со всей мочи дунул.
Прибор ничего не показал.
Нина Ивановна удивленно подняла брови.
— Ну-ка дунь в другой.
— Пожалуйста,— пожал плечами Леха.
Прибор опять показал норму
— Наверное, два испорченных попались,— неуверенно проговорила медсестра,— попробуй вот в этот.
И снова — ничего!
— Не знаю в чем дело. Наверное, приборы бракованные. Ты в помещении пять минут, а я уже задыхаюсь от твоего парфюма. В рейс тебя не пущу.
Леха был парнем не промах и прекрасно знал пословицу, что лучшая защита — нападение. Поэтому от медсестры сразу направился к начальнику смены.
— Сан Саныч, что за фигня такая? Почему меня в рейс не пускают? Медсестра уверяет, что я пьяный, а приборы ее: ни один не показал алкоголь.
— Запах-то вроде присутствует? — неуверенно, то ли спросил, то ли констатировал начальник.
— Да вот и она тоже прицепилась с этим запахом, а приборы-то ничего не нашли.
— А ты сколько раз дул?
— Четыре раза в разные трубки и — ничего.
— Да? — удивился Сан Саныч.— Ну пойдем, поглядим.
С Ниной Ивановной они столкнулись в дверях медицинского отделения.
— Нина Ивановна, почему водителя не выпускаешь?
— Да ведь он же пьяный! — опешила женщина.
— Но ведь приборы ничего не показали? Или он соврал?
— Не соврал. Но я думаю, что они бракованные.
— Ну-ка, дай я попробую,— сказал Сан Саныч и с этими словами взял трубку и дунул.
Прибор показал большое количество алкоголя.
— Ну, вот видишь — все нормально. А-то заладила то же мне, бракованные, бракованные. Все в порядке — работают. Выпускай водителя на линию!

СОСЕД

Что мы знаем о своих соседях, живущих с нами в одном доме, в одном подъезде, на одной лестничной площадке?

Да почти ничего, кроме имени, где они работают или работали и сколько у них детей.

Коммуналки канули в прошлое, где каждый знал друг о друге почти все. Там люди жили шумно и весело одновременно, но были в постоянном напряжении. Поэтому каждый мечтал об отдельной квартире, где бы он мог уединиться, расслабиться и сам

решать, как ему организовывать и вести домашнее хозяйство, чтобы не ждать каждое утро очереди в туалет и к умывальнику, а затем занимать очередь к плите, чтобы приготовить себе еду. Вести какие-то бесполезные беседы, отвечать на порой дурацкие или невежливые вопросы, давать кому-то в долг, угощать папиросами, делиться солью, выходить на почти постоянный стук в дверь, идти угощаться только что испеченным пирогом, когда этого совсем не хочется делать. Но ты все равно идешь, дабы не обидеть свою соседку, которая старалась ради тебя в благодарность за то, что ты ей починил розетку, которая искрила. И не угоститься пирогом было просто не прилично, тем более что завтра пришлось бы очень долго объяснять ей, что ты не вышел, потому что пришел с работы слишком усталый и совсем не потому что тебе не нравится ее стряпня.

70-е годы. Более 30 лет прошло после окончания Великой Отечественной войны.

Устраиваясь на работу, люди сразу подавали заявление, чтобы быть включенными в очередь на получение квартиры. Специальные комиссии рассматривали все поданные прошения и, если человек жил в общежитии, снимал комнату или у молодой семьи рождался ребенок, и они вылезали за определенные рамки метража, то комиссия благосклонно утверждала этих просителей на постановку в очередь. В своей организации (в тресте, на заводе, институте...) вам присваивали номер, например, 55-й, но все эти слабые ручейки, как и у любой речки, вливались в огромный поток городской квартирной очереди и уже там вы могли оказаться 12735(!).

А кроме этого была еще очередь внеочередников, как бы абсурдно это ни звучало: ветеранов войны, инвалидов, многодетных семей или сирот, закончивших интернат...

Но квартиры продолжали строить. Дома ежегодно сдавали.

И проработав на своем предприятии 9—15 лет вы становились счастливыми обладателями ключей от заветной квартиры.

Дом был девятиэтажный, совсем недавно построенный и сданный в эксплуатацию.

Времени прошло вполне достаточно, чтобы получить ордера и ключи от своих квартир и, спокойно заселившись, начать обустраиваться.

Основная суeta, когда всевозможные машины: и грузовики, и легковые с прицепами заполняли весь двор и ждали своей очереди, чтобы подъехать ближе к одному из одиннадцати подъездов и начать разгрузку, закончилась.

Грузовики во дворе хоть и появлялись, но с каждым днем все реже и реже пока их поток, наконец, совсем не иссяк.

Первые устроившиеся в этом доме — «старожилы» (в основном пожилые женщины и бабушки) уже выходили во двор подышать свежим воздухом, садились на лавочки возле подъездов, знакомились и начинали, внимательно наблюдая за вновь прибывшими, обсуждать кто, что привез и в каких количествах.

— Вы, погляньте, сколько книжек. Все носят и носят. Это в какую же квартиру?

— В 36-ю, — сразу откликнулся кто-то все знающий.

— Не иначе, как ученый какой-нибудь — профессор.

— Это, что. Вы глядите во второй подъезд рояль ташут.

— Нет. Это не рояль — пианино.

— Да это все равно. Интересно, в какую квартиру композитор заезжает?

— Семеновна, тебе-то что от этого? Когда их ребенок начнет по клавишам тыкать тогда и разузнаем.

— Да моя квартира со вторым подъездом контактит через стенку. Ох, беспокойные жильцы будут. Ну, да ладно, поживем — увидим.

Так незаметно пролетели два месяца. Заработали лифты. Соседи по площадке начали узнавать друг друга, обращаться за помощью: будь то шкаф дотащить или мо-

лоток с отверткой взять займы. А некоторые уже скидывались (в основном мужики) и отмечали новоселье и новые знакомства. И такое происходило почти ежедневно — дом-то большой: одиннадцать подъездов как-никак; а это где—то около четырехсот квартир. Так что отмечать новоселье можно, если каждый день — больше года; а ежели еще и праздники захватывать, такие как Новый год, 8 марта, 7 ноября, День Конституции (это не считая: 1 апреля, День взятия Бастилии...), то все два получатся.

Когда жильцы заходили в лифт, то каждый вел себя по-разному. Кто-то здоровался, кто-то ехал молча, некоторые начинали вести оживленную беседу. Были и такие, кто никогда не видел раньше лифта (в основном — пожилые люди, жившие до этого переселения в своих домах), поэтому заходили в него с боязнью, не знали, как встать, куда нажимать, вздрагивали от закрывающихся с грохотом дверей.

Несколько раз со мной в лифт заходил невысокого роста мужчина лысоватый с морщинистым лицом. За ним постоянно тянулся шлейф перегара, хотя на ногах он держался довольно крепко. Он сразу говорил:

— Мне на седьмой этаж.

Потом, немного помолчав, протягивал руку и представлялся:

— Леня.

Я здоровался, называл себя, и мы ехали до седьмого этажа.

Выходили. Я глотал относительно свежего воздуха, и расходились в противоположные стороны.

Он был моим соседом по площадке.

И такая ситуация повторялась с завидным постоянством, как по сценарию. Словно актер входил в образ и репетировал роль. Действительно, как в кино. Как будто мы застряли в одном дне, и он повторялся снова и снова с завидным постоянством. Это было в течение нескольких недель.

Сначала меня это веселило. Потом приелось и начало надоедать.

Я решил разнообразить сложившуюся ситуацию и, когда он в очередной раз представлялся, говорил:

— Леня, мы с тобой уже знакомы и живем на одном этаже.

— Да? — он внимательно на меня смотрел своим осоловевшим взглядом, пытаюсь осмыслить то, что я сказал и в итоге изрекал:

— Значит соседи. Тогда поехали.

Спустя некоторое время он перестал представляться, видимо посчитав, что его уже все знают, но здороваться продолжал.

Не знаю, как насчет других жильцов, а приподъездные наблюдательницы уже многое разузнали про Леню, составили его портрет и, внося в свой мозговой реестр, «отправили личное дело» того в «архив» переключившись на кого-то более свежего.

У Лени умерла жена, как говорили при родах. Он один воспитывал ребенка. Правда ему помогала какая-то женщина, которая систематически к нему приходила.

Работал Леня плотником в детском саду. Летом охранял какие-то дачи, кроме этого частенько крутился возле магазинов, подрабатывая разгрузкой машин.

И пил.

Деньги сосед получал небольшие. Жили они бедно и даже, наверное, скудно.

Наблюдательницы на лавочках никогда не видели, чтобы Леня покупал какую-нибудь мебель, кастрюли, сковородки... Правда, в очереди за молоком его часто замечали.

Но пил он постоянно.

Иногда он пребывал в легком подпитии, иной раз я его видел с трудом заходящего в лифт, держащегося за стены.

Как-то поднявшись к себе на этаж и выходя из лифта, я чуть было не упал, спо-

ткнувшись обо что-то лежащее на площадке. Так как лампочка не горела, а день клонился к закату, то в полумраке я не сразу разглядел, что это какой-то человек. Мелькнула догадка, но почти сразу ее сменила другая, которая тут же и подтвердилась, стоило мне только перевернуть лежащего на спину.

Нет, это не был убитый в пьяной потасовке. Это был Леня, правда, тоже пьяный, лежащий в какой-то вонючей луже.

— Леня, ты что лежишь? Тебе плохо? — я стал тормошить его за плечо.

— Мне хорошо, — промолвил Леня, с трудом шевеля языком, и захрапел.

Поднять мне его не удалось, так как он норовил выползти из куртки, да и был довольно тяжелым. Поэтому я оттащил его к двери и посадил на тряпку, которая была относительно плотная, и совершенно сухая и прислонил к стене.

Бывали дни, когда сосед оказывался абсолютно трезвым. Это было очень удивительно и совершенно на него не похожем. Леня был гладко выбрит, причесан, а чистая рубашка и поглаженные брюки завершали необычную картину. В такие моменты он рассказывал, где сейчас работает, о том, что сын пошел в школу, сетовал на то, что много пьет. Я предлагал ему бросить его пагубное занятие, а деньги эти тратить на сына и больше уделять ему внимания. Он тяжело вздыхал, задумывался, морщил лоб, отчего казался глубоким стариком (хотя еще даже не достиг пенсионного возраста) и, как будто что-то взвесив и приняв окончательное решение, согласно кивал головой и, как мне казалось просветленно, твердо произносил:

— Да, ты прав, надо бросать пить.

Но уже через пару дней его можно было увидеть лежащим на лавочке возле подъезда.

В начале 80-х годов многие граждане подключились к сбору макулатуры, которую можно было обменять на дефицитную книгу, парфюмерию, какие-то вещи...

Старые газеты и журналы не выбрасывали, а аккуратно собирали, упаковывали, связывали, взвешивали и складывали на антресоли, лоджии или в кладовке. А набрав 15—20 килограммов несли все это в пункты приема под названием «Стимул», где обменивали на талончик с названием книги, будь то «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, сказки Джанни Родари или фантастическая повесть братьев Стругацких.

Если же вы не смогли собрать сразу нужное количество килограммов, то на талон наклеивали марки, соответствующие сданному весу. И вам нужно было торопиться в течение месяца-двух добрать и сдать бумагу или картон, чтобы успеть получить книгу, которых было ограниченное количество и тем более появлялись новые талоны с другими книгами.

Почему пункты приема назывались «Стимул»? Наверное, потому, что стимулировали среди населения тягу к хорошим книгам. Тем более, в каждой книге государство печатало сообщение о том, что мы сохраняем богатство нашей Родины, то есть спасаем деревья от вырубки.

Получив талон, мы сразу мчались в один из книжных магазинов, а их было пять (из двадцати семи), через которые реализовывались макулатурные издания и, наконец-то, выкупали заветную книжку.

После этого можно было вздохнуть свободно, удовлетворенно полистать еще пахнущее типографской краской издание, потом поставить его на полку, с надеждой в ближайшее время непременно начать читать.

И вновь по знакомому кругу: макулатура — талон — очередная книга.

Мой сосед Леня, конечно же, не остался в стороне. И теперь к сбору и сдачи бутылок он добавил макулатуру. Его можно было видеть с охапками картона, пустых коробок из-под обуви и всевозможной химии, оберточной бумаги.

Иной раз, подойдя к лифту возле открытых дверей, которого суетился Леня и, заглянув внутрь, понимал, что быстрее на седьмой этаж поднимешься, если пой-

дешь пешком по лестнице, потому что ждать, когда сосед догрузит битком набитый коробками лифт, доедет до места, все это разгрузит и спустится обратно, придется очень долго.

Почти ежедневно Леня приносил коробки из всех близлежащих магазинов, утрамбовывал, перевязывал и тут же куда-то их относил.

Возвращался он, естественно, навеселе.

Как-то столкнувшись с ним в лифте, я спросил:

— Зачем тебе столько коробок? Переезжать собираешься?

— Нет. Сдаю на макулатуру. Подработаю немного, заработаю чуть-чуть. Сыну на молоко и хлеб с маслом. Конфет и пряников куплю. Да и мне кое-что останется.

Не знаю, как там насчет конфет, но ему оставалось довольно прилично, так как пьяным он бывал всегда после сдачи макулатуры, о чем постоянно свидетельствовали приподъездные наблюдательницы.

Поначалу сердобольные женщины пытались как-то его вразумить. Вели с ним беседы, убеждали... Но потом, поняв всю бесполезность своих попыток, махнули рукой и почти перестали обращать на это внимание.

Годы шли своим чередом. Хотя в детстве нам кажется, что они тянутся слишком медленно, ведь очень хочется стать быстрее взрослыми. А когда мы взрослеем, то начинаем понимать, что, наоборот, они слишком быстро бегут и мы, практически ничего не успеваем сделать, так как 24 часа в сутках — это очень мало, и хорошо бы эти сутки раздвинуть. В пожилом возрасте дни становятся похожими друг на друга и мелькают с такой скоростью, что создается впечатление, будто Земля убыстряет ход своего вращения.

Что такое девятиэтажный одиннадцати подъездный дом — это целый мир! Государство, где есть какие-то правила и действуют свои законы.

Это как у Киплинга — джунгли с их обитателями. Общество людей в разрезе.

Здесь подрастают дети, оканчивают школу, поступают в институт или устраиваются на работу. Юноши уходят служить в армию, девушки ищут своих принцев и готовятся к свадьбе. В одном подъезде отмечают юбилей, а в другом кого-то провожают в последний путь. А возле третьего подъезда мужики просто пьянствуют. Вечером во дворе в тени деревьев играют в домино. Из открытого окна второго этажа слышно, как кто-то разучивает сонату Баха, а в другом конце дома на шестом этаже живет большой любитель рок групп «Deep Purple» и «Pink Floyd», так как на подоконнике каждый день стоят колонки и мы слышим попеременно песни этих коллективов.

Малыши в песочнице делают пироги и строят замки, пацаны постарше играют в войну или гоняют на велосипедах, девочки наряжают кукол. Подростки возле школы играют в футбол.

Вот из-за дома идет кто-то зареванный в рваной рубашке, значит, была драка.

Пенсионеры сидят на лавочках, смотрят на все происходящее, вспоминают свою молодость, ведут неспешные разговоры.

Заходя очередной раз в лифт, я не сразу узнал своего соседа Леню. Да и немудрено. Добротный коричневого цвета костюм, белая рубашка в полоску, в тон ей галстук с завязанным широким узлом. Аккуратная короткая стрижка, а не космы, как обычно, торчащие в разные стороны. Щеки гладко выбриты до синевы, а легкий аромат не совсем дешевого одеколona вплавь вслед за Леной в лифт, совсем не соответствовали запаху водки, который постоянным шлейфом тянулся за ним.

Я, опешивши, смотрел на трансформацию, произошедшую с соседом.

— Ну, что застыл? Пьяный что ли? Нажимай, поехали, — проговорил Леня, показывая мне руки, занятые сумками.

Я нажал на седьмой. Двери лифта закрылись, и мы стали подниматься.

— Можешь меня поздравить. Я стал пенсионером, — лицо Лени сияло, и мне по-

казалось, что он как-то помолодел лет на десять.— Сегодня оформил последние документы, так что со следующего месяца буду получать пенсию.

Я, конечно, поздравил его с заслуженным отдыхом и сказал, что это хороший повод, дабы отметить такое событие.

На это он совершенно неожиданно мне ответил:

— А ты знаешь, я сегодня не буду пить. Я даже водку не покупал. Отмечу это событие по-другому. Мы с сыном поедем жареной картошечки с селедкой, а потом попьем чайку с «Октябрьским» печеньем, песочными пирожными и эклерами. Вон я, сколько накопил,— показал он мне две сумки набитые продуктами.— А то я что-то мало внимания уделял сыну, все некогда было.

Лифт остановился. Двери открылись. Леня вышел и пошел к себе.

Я, не двигаясь, смотрел вслед уходящему соседу и думал: «Что это такое было? Да и Леня ли это был вообще?»

Прошло несколько лет.

Ленин сын Андрей вырос. Отслужил положенные два года. Вернулся, устроился на работу.

Леня пить так и не бросил. Периодически его видели пьяным.

Дни тянулись. Бежали. Мелькали...

Неожиданно Леня умер.

Соседи зашли к Андрею предложить свою помощь и обомлели от увиденного. Они, конечно, были готовы к тому, что увидят поломанный диван, стул без спинки, рваный пододеяльник и подушку без наволочки, но поразило их совсем другое.

Скудная обстановка и на этом фоне два шкафа и несколько полок битком набитые книгами. Да еще какими! Об этом можно было только мечтать. Чувствовалось, что собирал их человек с большой любовью.

Здесь были: Рабиндранат Тагор и Эмиль Золя, Пушкин, Некрасов, Достоевский, Толстой, Мандельштам и Ахматова, Шекспир, Рей Брэдбери, Иван Ефремов и Иван Бунин, Цветаева, Маяковский, Вознесенский и Гоголь. Тут стояли труды Лосева, всевозможные словари и справочники и еще было много всего интересного...

Пьянствуя каждый день, Леня, наверное, понимал, что уже не может остановиться. Понимал, что он плохой отец и ничем не может помочь своему ребенку, но в моменты просветления выкраивал деньги и покупал книги для сына, которые не трогал, даже когда очень хотелось выпить.

Но еще больше поразило людей зашедших в квартиру к Лене то, что они увидели в глубине одного из шкафов за стеклом.

Это была Золотая Звезда Героя Советского Союза и Орден Ленина.

Что мы знаем о своих соседях, живущих с нами в одном доме, в одном подъезде, на одной лестничной площадке?

Да почти ничего...

Татьяна Ермакова*
(г. Калининград)

ВОРОБЫШЕК

— Мама, мама! Это воробышек поет! — голос выражал такое искреннее, такое восторженное удивление, какое бывает только у детей. И потому я услышала его среди равнодушно-гулкого уличного шума.

— Мама! Мама, это — воробышек поет! — с тем же радостным удивлением повторял мальчуган, так и не дождавшись ответа.

Тогда я оглянулась и увидела счастливую молодую маму, с которой так хотел поделиться своей радостью этот милый мальчуган, сам чем-то похожий на воробышка. Мама шла с каменным лицом и курила, не обращая никакого внимания на воркование своего сынишки. И я не выдержала:

— Да, это просто удивительно! Никогда не слышала, чтобы воробышки — пели! А ты молодец, наблюдательный и добрый мальчик.

Кажется, я рисковала: суровой маме вполне могло не понравиться, что случайная незнакомка вмешивается в их «разговор». Но мне повезло. Мама неожиданно улыбнулась.

Кто знает, через несколько, или через много лет — захочет ли сын услышать слова постаревшей уже матери, обращенные к нему? Слова печали, боли, надежды...

Почему же с таким опозданием мы понимаем, что это самое важное в жизни: слышать каждое слово своего ребенка. Маленького, но — самого главного для нас Человека. В котором наше будущее счастье или горе, гордость или позор. Ребенок — это наш живой и хрупкий росток в будущее. И только от нас зависит, кем станет этот росток: хилым, чахлым, исхлестанным ветрами кустиком с поломанными ветвями, или же могучим и твердо стоящим под бурями судьбы величественным дубом.

ДОМ ОКНАМИ В ПОЛЕ

Хорошо это или плохо, что самый большой и красивый дом в поселке — детский дом?

Сюда привозят брошенных детей со всего района. А из окон дома хорошо видно огромное поле — ярко зеленое по весне и белоснежное зимой. Именно здесь полвека назад происходило одно из жестоких сражений с фашизмом. Сколько было их, бесстрашных и мужественных наших воинов, что освободили свою землю, Россию, а погибли здесь, на чужой! Как мечтали они о Победе, когда рядом днем и ночью была смерть. Каждый мечтал только об одном: пройдя сотни огненных фронтовых дорог, вернуться и взлететь на крыльцо родного дома, где так давно ждут. На сильных мужских руках поднять высоко над землей и прижать к сердцу — своего ребенка, свою

---

* Наш постоянный автор.

кровинку, смысл жизни. Но многих солдат так и не дождалось их близкие. Они погибли за Родину, за свою землю, за счастье своих детей, которые вырастали без отцов.

В детском доме — тоже растут без отцов. И без матерей. При живых родителях. Добрые немецкие друзья построили для них красивый большой дом, где есть все, чтобы они не стали бродяжками. Снабжают питанием, одеждой, привозят подарки. Так кого же будут почитать и любить эти дети, живущие в самом красивом доме поселка?

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Какая глубокая, безмерная тоска — в глазах этой совсем еще молодой, привлекательной женщины. Она идет неторопливо, словно отрешенно, и тянет за руку ребенка, совершенно безучастная к этому существу, тоже не по возрасту печальному, которое семенит рядом. Как будто между ними, самыми близкими на этом свете людьми — пропасть беды. Что это? Болезнь, нужда, непонимание? Причина — так же трагична, как и типична: предательство. Предательство любви. Самого великого и как воздух необходимого человеку чувства. Болезнь можно вылечить, нужду — преодолеть, понимания — добиться. Боль от предательства — неизлечима.

Ты свято верила ему. Ты в муках родила ему самое дорогое, что может быть у человека, его ребенка, его надежду на будущее, на продолжение в вечности. Так почему же он ушел и безжалостно бросил тебя, вас — на произвол судьбы? И где он сейчас? Ушел к другой? Живет в свое удовольствие? Спился или проводит лучшие годы в местах, не столь отдаленных, как и тысячи других представителей сильной половины человечества? Он оставил тебя одну в самое непростое время: в бесконечных и непосильных заботах о ребенке, в трудностях и невзгодах. Тебе нести эту бесценную ношу за двоих. Брошена, Беззащитна перед горой проблем. Но — не одна!

Предательство любви — неизлечимо? Почти. Но есть спасение от этой боли. Оно в тебе самой. И пока еще рядом. Это спасение может стать твоим счастьем, надеждой и опорой. Не он, предавший вашу любовь и свое будущее — главный для тебя человек. И не надо страдать по нему. А тот, маленький, которому ты нужна пока, как никто, потому что только ты можешь сделать его жизнь полноценной и достойной. Сегодня и всегда. Улыбнись ему, будь счастлива самой великой на земле любовью — материнской. Ради себя, ради него — твоего ребенка. Открой в нем и не дай погибнуть его талантам, потому что они есть в каждом маленьком человеке. И тогда ты узнаешь главное счастье матери, да и отца — гордость за своего ребенка, свое продолжение на этой земле. Твое сокровище, с которым не сравнятся все богатства мира, — пока еще рядом. Сделай так, чтобы он был рядом всегда, чтобы он любил тебя, жалел и никогда не оставил. Предательство детей — еще страшнее. Оно — как приговор: жизнь прожита напрасно. А у тебя — все еще впереди.

ВАРВАРЫ XXI ВЕКА

В Калининграде птицы — приумолкли. А на Куршской косе поют они так звонко, как будто и не кончалась весна...

Пятнадцатое лето хожу я по этой дорожке — между янтарных, танцующих сосен и земляничных полей к морю. И не перестаю любоваться изумрудной пушистой травкой под ногами, которая теряется в золотых дюнах. И всегда этот недолгий путь, каждая новая встреча с заповедной тропинкой дарит спокойствие и радость, лечит душу тишиной и необыкновенной красотой чудесного уголка земли. И когда тяжело, и когда — кажется, нет больше сил для полета (такая усталость), спасением всегда была эта тропинка, которая поднимает к синему горизонту над песчаной горой: так близко, что рукой подать! А потом уходит в серебристую, неоглядную даль моря...

Но в последнее время, и особенно в этом году, все чаще стали появляться на этой узенькой лесной дорожке непрошенные гости: мощные джипы, «мерседесы» и прочие железные друзья человека, которые по его воле становятся врагами природы. Им не мешает яркий красно-белый шлагбаум. Они преспокойно объезжают его, прокладывая свою дорогу, между деревьями, и безжалостные колеса разрывают тончайший слой дерна, под которым — песок. Каждый мало-мальски образованный человек знает, что для Куршской косы, которую песок уже поглощал и может вновь поглотить, это — гибель. Потому и высаживают каждый год лесоводы деревья, кустарники и травы — «песколюбы». Идти по этой живописной тропинке до моря — не больше трех минут. Но нет — едут. Если бы не песчаный холм на пути, то, наверно, и колеса бы в море купали. У золотых дюн и высаживаются веселые компании, устраивают пикники, после которых — выжженная от костров земля, горы бутылок и прочего мусора. Поднялась бы у вас рука — разжечь костер на земляничной поляне? А таких кострищ — черных ран на живом теле косы становится все больше.

В последнее воскресенье, вечером, когда веселые компании удалились восвояси, а мы шли полюбоваться заходом солнца, один из брошенных костров дымился. Дождя на косе не было давно. Засыпали мы костер песком, потушили. Нам ни разу не доводилось видеть, чтобы кто-то проверял соблюдение правил посещения национального парка, штрафовал нарушителей. Вспоминаю встречу с одним из самых активных и неравнодушных защитников косы — Николаем Антоновичем Познанским. Не забыть, как он своими руками сооружал «шлагбаумы» из хвороста и сучьев, чтобы не ездили машины между соснами, как на стареньком мотоцикле, на свои деньги покупая бензин, ловил нарушителей. Может быть, ваш мотоцикл, Николай Антонович, уже отслужил свое, а может быть, махнули вы на все рукой, отчаявшись навести порядок, пробудить совесть у тех, для кого наша бесценная коса никогда не станет храмом природы. Чего только не увидишь теперь на ее золотых пляжах! Всевозможные пустые бутылки, в том числе и разбитые, пакеты от сока, печенья, конфет, банки от орехов и кетчупа, электролампочки, старую обувь — настоящая мусорная свалка. Сколько уж комиссий создавалось в защиту Куршской косы — этой жемчужины мировой природы! Но, пока заседают представительные комиссии и пишутся солидные планы мероприятий, хрупкое тело косы, ее травиночки-нервы терзают колеса. Ведь та, моя любимая тропинка к морю, конечно же, не одна. Нашествие варваров на косу продолжается. Кто их остановит?

САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Я не сразу увидела его в переполненном трамвае. Сначала увидела ботинки: грязные, стоптанные, давно забывшие о шнурках. Мы стараемся не смотреть на бомжей. Больно видеть эти испытанные и избитые лица, жалкие лохмотья. Их сломанные судьбы, утраченное человеческое достоинство — словно укор всем нам. Рядом с нами терпят бедствие и страдают наши братья-человеки, наши соотечественники, а мы не можем им помочь.

И вдруг я заметила у него на коленях, за пазухой — черненького, пушистого и бесконечно милого щенка. Глазки его ласково поблескивали, и он доверчиво прижимался к своему хозяину, довольный и счастливый. Сколько брошенных, никому не нужных, терпящих муки одиночества и жестокого обращения животных в нашем городе! А этот — нашел свое собачье счастье, нашел самого лучшего в мире хозяина и друга. Только доброта дарит спасение. Ведь человеку так необходимо быть для кого-то — единственным и самым лучшим. Но не каждому — удается.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

УРОДЛИВОЕ СЧАСТЬЕ

Марии Ивановне по молодости везло в жизни. Во-первых, удалось сразу после окончания средней школы поступить в престижный московский вуз, куда без блата редко кому случалось пройти. Особенно, если абитуриентка, как тогда юная красавица Маша Васильева, приехала впервые в столицу из сельской глубинки.

На русоволосую, стройную девушку сразу «положил глаз» самый видный парень с их первого курса — Игорь Стояновский — сын замминистра иностранных дел тогдашней необъятной страны.

Чувства оказались взаимными. И отношения между молодыми людьми очень быстро достигли состояния предельной близости.

В общем, к концу второго курса Маша поняла, что забеременела. С радостью сообщила об этом Игорю, когда они в очередной раз общались с ним на пустующей даче папы—дипломата.

Юноша от услышанного изменился в лице, побагровел, и, отводя в сторону ставшие испуганными глаза, выдавил из себя:

— Маш, зачем ты так шутишь? Я же обещал отцу — никаких глупостей до окончания вуза...

— А я не шучу. Действительно, беременна ...

Срок беременности был уже около четырех месяцев, и Игорю стоило немалого труда, чтобы через друзей отца организовать Маше аборт.

Со слезами на глазах и тоской в сердце молодая женщина пошла на этот шаг...

Операция прошла тяжело, с осложнениями. Пришлось лечиться у разных врачей еще около года. За это время Игорь утратил к своей возлюбленной всякий интерес.

Старательно обходил ее за версту в университете, завел себе новую подругу — конечно, не такую красивую, как Маша, но тоже дочь известного дипломата. Вскоре они с ней сыграли пышную свадьбу.

От всех этих переживаний Маша стала замкнутой, ушла в себя, ожесточилась. Пытаясь забыть прошлое — полностью отдалась учебе, занялась наукой.

Вуз она закончила с красным дипломом. Способную девушку оставили в аспирантуре. И вскоре досрочно Васильева успешно защитила кандидатскую диссертацию...

Грянула перестройка, и молодой кандидат наук — Мария Ивановна ушла с головой в бизнес. Создала свою фирму, которая поставляла оборудование из-за рубежа.

Появилось непривычно много денег, счет в зарубежном банке, новый «Мерседес», охрана, частые поездки в другие страны... К тому времени ей уже исполнилось за тридцать лет.

Она по-прежнему выглядела прекрасно, свежо и обворожительно. Несколько округлившись, как бы налившись соком овалы ее тела сделались еще более привлекательными.

К мужчинам она и в жизни и в бизнесе относилась теперь настороженно, недоверчиво, все время ожидая подвоха. Повседневная жизнь подтверждала постоянно, что верить этим алчным, ненадежным, эгоистичным существам с признаками принадлежности к мужскому роду было никак нельзя.

Поэтому Мария Ивановна твердо решила не иметь больше с мужиками близких человеческих отношений. Когда требовала того физиология — она по известному телефонному номеру за круглую сумму «зелененьких» вызывала к себе в загородный дом очередного похотливого, продажного самца. Предпочитала брюнетов, горбоносых, юных, готовых выполнить ее любой сексуальный каприз.

Оплатив услугу, каждый раз меняла партнеров на новых, чтобы не привыкнуть.

Одного ей не хватало — ребенка. Мария Ивановна не могла спокойно, без неизвестно откуда накатывающей зависти, наблюдать, как юные и не очень, в том числе и ее возраста женщины гуляют с малышами во дворе дома.

Но зачать ребенка обычным путем после того осложненного аборта она не могла больше никогда — такой приговор вынесли ей лучшие гинекологи.

И тогда она, оказавшись в одной из европейских стран, решила осуществить свою мечту и зачать ребенка методом искусственного оплодотворения. За это пришлось выложить «кругленькую», даже для нее, сумму долларов клинике, оторваться надолго от бизнеса.

В клинике ей предложили выбрать будущего «отца» — донора спермы ее планируемого ребенка. Она долго перелистывала страницы альбома с фотографиями различных незнакомых молодых мужчин, и вдруг чуть было не вскрикнула от неожиданности, увидев на одной из них Игоря Стояновского!

«Так вот он теперь чем зарабатывает себе на жизнь!» — со злорадством подумала Васильева, и после некоторых колебаний остановила, сама не до конца понимая, почему, выбор на сперме своего бывшего возлюбленного. Может, решила таким образом восстановить когда-то попорченную справедливость? А, может, она и сейчас продолжала любить этого негодяя Игоря?

И вот, после девяти месяцев томительного ожидания путем кесарева сечения она родила мальчика.

После родов Мария Ивановна лежала в уютной одноместной палате. За окном плескалось чистейшее голубое небо. Солнечные блики весело играли на чуть приоткрытых жалюзи.

Наконец-то состоявшаяся мать ожидала с волнением, когда же принесут, как обещали, ее новорожденного сына.

Этот миг наступил все равно неожиданно. Дверь в палату открылась почти бесшумно. Вошли врач и медсестра с аккуратно завернутым, слабо пищущим кулечком на руках.

Доктор почти без акцента разговаривал по-русски: освоишь, если почти половина пациентов этой элитной клиники — выходцы из России! Да и донорскую сперму, судя по всему, доставляли тоже оттуда.

Мария Ивановна присела в нетерпении на кровати.

— Ой, покажите его мне поскорее! — радостно протянула руки к смешному кулечку с ребенком.

Сестра осторожно передала младенца, помогла развернуть его одежки на кровати.

Взору матери предстал истощенный, с высохшими, укороченными ручками и ножками, весь красный, как ошпаренный кипятком, ребенок со сморщенным в плаче личиком. У него оказалась глубоко запавшая переносица, необычно раскосые и одновременно выпуклые глазки, оттопыренные, выступающие уши, большой, высунутый изо рта язык...

— Почему он такой странный!? — ошарашенно спросила Мария Ивановна у доктора.— Но все равно такой потешный!

— Должен вас несколько огорчить...— деликатно заговорил врач.— У мальчика такое необычное лицо, потому что, как мы уже подтвердили, проведя генетическое исследование, он страдает болезнью Дауна* ...

У Марии Ивановны после этих слов больно сдавило сердце. Слезы неожиданно хлынули из глаз.

— Дауник... Мой долгожданный сын — дауник...

— Знаете, у нас сейчас с эффектом применяются программы по дальнейшей реабилитации этих детей... Слабоумие у них из-за этого с годами сглаживается иногда... Они начинают достаточно неплохо обслуживать себя...— успокаивал врач.

Мария Ивановна, сцепив до боли пальцы рук, чтобы не закричать, отрешенно смотрела на маленькое живое существо с бессмысленно мигающими глазками... Ее с Игорем уродливое, искусственное счастье...

Судьба-злодейка! Как ты бываешь порой беспощадна к человеку... Особенно, если он пытается что-то исправить вопреки тебе и природе...

---

* Болезнь Дауна — трисомия, хромосомная болезнь, сопровождающаяся развитием слабоумия. Встречается в 1—2 случаях на 1000 новорожденных детей (прим. автора).

Дмитрий Воронин
(п. Тишино Калининградской обл.)

Дмитрий Павлович Воронин живет в п. Тишино Багратионовского района Калининградской области. Член Союза писателей России с 2003 года. Является автором трех сборников рассказов. Последние два года отдельные рассказы выходили в периодической печати Москвы, Берлина, Краснодара, Таллинна и Калининграда. Является лауреатом международного конкурса «Согласование времен» — 2009 г., судьей международного конкурса «Согласование времен» — 2010 г. (Германия), лауреатом международного фестиваля «Славянские традиции» 2010 г. (Украина), лауреатом литературной премии им. Юрия Каплана (Украина), лауреатом национального конкурса «Золотое перо Руси» — 2011 г., лауреатом международного конкурса «Гоголь-фэнтези» (Украина).

ИЛЬИЧ

На городской свалке Ильич появился поздней осенью. Высокий сутулый старик в темно-коричневом драповом пальто, шапке-ушанке и в ботинках на толстой подошве медленно брел среди зловонных завалов, шурудя перед собой сучковатой надтреснутой палкой.

— Чего ищешь, дед? — обнажил в приветливой улыбке полубеззубый рот низкорослый мужичок в истрепанной грязной фуфайке. — Скажи, может, чего присоветую.

— Так это... Вот, — засмутился, остановившись, старик, — бутылки пустые ищу.

— Бутылки? — нахмурился мужичок, подозрительно оглядывая новоявленного конкурента. — А чего это тебя на свалку занесло, в городе, что ли, бутылок уже не осталось?

— Не могу я в городе, — нервно сжал свой посох старик.

— Стесняешься... — понимающе усмехнулся бомж. — Звать-то тебя как?

— Степан Ильич.

— Ильич, значит... Ну а меня Витьком когда-то нарекли, а тут все Солнышком кличут, — протянул грязную ладонь Ильичу мужичок.

Старик с опаской подал навстречу свою дрожащую руку.

— Ты вот что, дед... Ты это, держись возле меня, тогда и при таре будешь и не тронет никто, — снисходительно ощерился Витек. — Тут у нас конкуренция еще та, чужих особо не жалуют и побить могут запросто.

— Побить? — удивленно посмотрел на бомжа старик. — За что?

— А то, — захихикал, радуясь удивлению Ильича, Витек, — за дело. Я ж говорю, у нас новеньких не любят, лишний рот — лишние заботы. Вот ты, к примеру, явился сюда и думаешь, будто тут эти бутылки на каждом шагу разбросаны. А сколько в твоей сумке их, ответь?

— Одну пока нашел только.

— Правильно, одну,— согласно кивнул Витек,— ну, может, еще одну найдешь или две — и все.

— Как — все?

— А то,— вновь засмеялся Солнышко, глядя на растерявшегося Ильича.— Ты, верно, думал, что здесь бутылки только для тебя одного и валяются, так ведь?

— Ну, не знаю...

— Ага, так,— довольно вскинул голову Витек.— А тут нет ничего, ищи не ищи.

— Что, вообще?

— Ну, если ты экскаватор, то найдешь.

— Так их чего, не привозят сюда? — вконец расстроился Ильич.

— Привозят.

— Чего ж ты мне тогда голову морочишь?

— Так когда их привозят, таким, как ты, возле них места нет,— открыто радовался стариковскому раздражению Витек.

— Это почему? — покраснел от злости Ильич, чувствуя откровенную издевку.

— Я ж говорил, у нас чужих не любят, побьют.

— Мне чего, назад уходить, ты на это намекаешь?

— Да нет, дед, ты мне понравился,— ободряюще хлопнул Ильича по плечу Солнышко.— А со мной тебя не тронут. Пошли.

— Куда?

— Познакомлю тебя со своей бригадой.

Умело лавируя между кучами гниющего мусора, Солнышко вывел старика на небольшую ровную площадку посреди свалки. Площадка была наполнена фанерными ящиками, картонными коробками, какими-то уродливыми строениями, напоминающими то ли огромные собачьи будки, то ли дровяники, то ли складские сарайчики. Возле этих построек, местами обтянутых полуистлевшим брезентом, копошились люди, одетые в грязное рванье.

— Кого еще притащил? — выкатилось навстречу Солнышку бесформенное толстое существо непонятного пола в рваном солдатском бушлате.— Чего ему тут надо?

— Не заводись, Софочка, не заводись, красавица,— раскинул руки Витек, пораженная собой Ильича от неласковой бабы.— Хорошего вот мужика встретил, подумал, тебе жених знатный, ну и привел познакомиться. А ты сразу кидаться, как пантера какая. Что о тебе интеллигентный человек подумает, а? Подумает, кавой-то мне Солнышко подсесть хочет, обещал красу ненаглядную, а на самом-то деле — гарпия натуральная.

— Балабол дурной, чтоб тебя!..— под общий смех растянула в улыбке гнилой рот Софочка.— Тоже мне, нашел жениха, пенька старого,— и, махнув рукой, миролюбиво обратилась к Ильичу: — Что, дед, из дома выгнали?

— Выгнали, выгнали,— опередил старика Витек, не давая тому опомниться.— По себе знаешь, какие нынче детки пошли, не тебя одну на улицу выкинули, вот и Ильича тоже.

— Из-за квартиры?

— Из-за нее, из-за чего ж еще,— продолжал отвечать за деда Солнышко.

— И идти больше не к кому?

— А то б он сюда пришел!..

— Слушай, Солнышко,— нахмурилась Софа,— чего ты за деда распинаешься, пусть сам говорит, или он немой?

— А ты себя вспомни, тебя когда из квартиры вышвырнули, много ль слов у тебя было?

— И то верно,— вытащила из кармана бушлата «Приму» Софа,— я тогда с месяц

как пришибленная была, все молчала. Никак до меня не доходило, кто что балакает, про чего спрашивают. Хорошо, сюда добрые люди привели, так тут только и отошла. Счас уж и не вернулась бы назад, что б ни сулили.

— Да...— философски протянул Витек.— Жизнь — она, конечно, не подарок. Вот так живешь-живешь, вроде чего-то добился, вроде и хорошо тебе, как вдруг бах! — и в один момент все кувырком, все с ног на голову, будто снег среди жаркого лета.

— Сложно оно все, это ясно, видать, на роду у людей так написано,— подтвердила значительную мысль Софа и повернулась к Ильичу.— А ты, дед, в Бога веришь?

Ильич вздрогнул от неожиданного вопроса, хотел было уже ответить, но Солнышко вновь оказался проворнее.

— Верит, Софочка, верит.

— Это хорошо,— довольно закивала Софочка, отходя от мужчин,— без веры сейчас нельзя, а то так и свихнуться можно.

— Что это ты тут про меня такого наплел,— нахмурился на Витьку Ильич,— и бездомный я, и верующий?

— А че, надо было похвастать, что у тебя особняк в трех уровнях, и ты помощник Жириновского, а бутылки сюда так пришел собирать, для коллекции? — с издевкой прищурился Солнышко.

— Вообще-то дома у меня и впрямь нет,— виновато сник старик, присев на грязный продавленный диван, стоящий возле покосившейся постройки.

— Ясно дело,— согласно кивнул мужичок, восприняв заявление Ильича как само собой разумеющийся факт.

— Вот только сын меня из него не выгонял,— продолжил начатое откровение Ильич,— сын меня попросту забыл. Как вышел лет двадцать в большие начальники, так и забыл, и меня, и мать — жену мою. Жена-то померла два года назад, так он и на похороны не явился, хоть и сообщали. У нас трехкомнатная квартира была. Пока с женой пенсию получали, хватало за квартиру платить, а как жены не стало,— задолжал я. Вот и решил трехкомнатную продать, а себе однокомнатную купить. Черт меня дернул по объявлению, через посредника делать, хотел побольше денег получить, а в итоге оказался на улице без гроша, и не докажешь ничего.

Солнышко открыл было рот, но Ильич предупредил его.

— И не спрашивай, что и как, даже вспоминать не хочу. Жив остался — и то слава богу. Лето мыкался по знакомым да так, где придется.

— А к сыну? — встрял все-таки Витек.

— Нет его у меня,— зло вскинул голову старик,— помер он вместе с женой.

— Как — помер? — удивился мужичок.

— Для меня он мертв, раз даже мать свою схоронить не сподобился,— ударил, как обрубил, по разбитому дивану Ильич.— И все, хватит об этом.

— Ну, а в милицию, собес?

— Где только не был,— с досадой отмахнулся Ильич.— Документы мои вместе с квартирой накрылись, а без них я кто? Никто! Тля я без бумажек этих...

— Это точно,— понимающе подтвердил Солнышко,— по себе знаю. У наших, что тут живут, почти у всех так. И что ты дальше думаешь?

— Не знаю, сдохну, наверное, в эту зиму.

— Ты вот что, оставайся у нас. Тут и с голоду не умрешь, и выпить всегда найдется, да и крыша над головой какая-никакая.

Так Ильич и прижился на свалке. С утра на промысел — то бутылки собирать, мыть, сдавать, то продукты выброшенные сортировать, продавать, то металл, то запчасти. Да мало ли чего на свалку выкинут. Зимой Ильич с Витьком худо-бедно прокантовались, а по весне, когда уже теплом запахло, простудился Ильич на сквозняке, в горячке промучился недели две и помер однажды под утро.

— Отстрадался, сердечный,— посочувствовала Ильичу Софочка и повернулась к Солнышку.— Что делать со стариком-то будем? Сообщить в милицию от греха подальше, пожалуй, надо бы. Может, родственники какие объявятся. У него документы-то есть? Посмотрел бы по карманам...

— Да нет у него ничего, слямзили документы. И родственников нет, сын только. Так он даже мать не схоронил, а Ильича и подавно не будет.

— А ты все ж проверь, может, какая бумага и завалялась.

Солнышко нехотя стал проверять карманы стариковской одежды. Проверил пальто, принялся за пиджак и вдруг за подкладкой, напротив сердца, нащупал какой-то сверточек. Витек суетливо надорвал подклад, отцепил от булавок мешочек, прикрепленный к пиджаку, и, вспоров его, вывалил содержимое на фанерный ящик.

— Ни черта себе! — раскрыла в изумлении гнилой рот Софочка.— Вот это да!

На ящике поблескивала кучка орденов и медалей времен Отечественной войны. Солнышко дрожащими руками заморожено принялся сортировать Ильичевские награды.

— Орден Славы, два ордена Красной Звезды, орден Ленина, Отечественной двух степеней, медаль «За отвагу»...

— Целый иконостас,— пораженно прошептала Софочка.

— Зови мужиков,— в волнении прохрипел толстухе Витек,— да побыстрее!

Через несколько минут все обитатели «жилой площадки» собрались возле Солнышкиного сарайчика.

— А Ильич-то геройский мужик был,— уважительно перешептывались они.— Это ж надо столько наград заслужить!

— Да-а... Кем же он на фронте был?

— Кем бы ни был, но то, что герой из героев, это точно.

— Что делать-то будем? Надо бы властям сообщить, такого человека с почестями хоронить полагается.

— А может, продадим ордена? Они ведь бабок бо-о-льших стоят!

— Я вам продам, я вам сообщу! — возмущенно задохнулся Солнышко.— Я, итить вашу, любого замочу, кто хоть вякнет кому, что мы тут сейчас увидели.

— А ты что предлагаешь? — с интересом уставились на Витька бомжи.

— А вот что,— закурил сигарету мужичок.— Не будем мы ничего никому сообщать. Если такой человек при жизни этим властям не нужен оказался, то после смерти и подавно им он ни к чему. Сунут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут.

— Это точно,— закивали мужики.

— Мы его сами похороним,— затушил сигарету Солнышко.

— Где, на свалке, что ли? — хихикнул кто-то.

— Нет, не на свалке,— ожег всех взглядом Витек.— В роще за свалкой. Пусть у нас будет своя могила героя, свой неизвестный солдат.

— Правильно, Солнышко,— заплакала вдруг Софа.— Ильич — душевный старик был, да еще и герой, уж я-то за его могилой каждый день присматривать стану.

— А награды куда денем?

— А награды вместе с ним схороним,— строго ответил Витек.

— Верно, Солнышко, правильно,— одобрительно раздавалось со всех сторон.

— И кто на ордена, не дай бог, позарится — тому не жить. Понятно? — пылал глазами Витек.

— За кого ты нас держишь?

— На куски искромсаю, кто могилу Ильича тронет.

— Солнышко, с этим понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнаружат ее — надругаться могут.

— Я это уже продумал,— согласно кивнул Витек.— Мы не станем делать настоящую могилу — холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните — там, в роще, на полянке?

— Ну.

— Похороним и кострище на том месте разведем, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомек, а мы приходим будем, поминать. Костер разведем — и Ильичу тепло, и нам благостно.

— Молодец, Солнышко, все верно,— согласились бомжи.

Весь день население «жилой площадки» с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок и ящиков, обтянули его черным материалом, завалывшимся у одного из обитателей свалки. Софа Ильича обмыла, передела в чистое белье из своих запасов, Солнышко укрепил на груди героя награды, и вечером, когда стемнело, траурная процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землей, тщательно притоптали и тут же на скорбном месте развели костер.

— За Ильича,— поднял кружку с суррогатом Солнышко.— Пусть земля ему будет пухом,— выпил он содержимое до дна.

— За героя! — застучали друг о друга остальные кружки...

КОНТРАБАНДА

Тимофеич возвращался домой. Довольный своей поездкой в ближнее зарубежье, он сидел у окна автобуса и вновь перебирал в памяти все те дела, которые заставил его совершить столь дорогой для нищенского бюджета путь. Щуплый, но еще резвый старичок, с живыми, почти всегда смеющимися глазами, удовлетворенно откинулся на сиденье и думал о том, что успел сделать очень важное дело в своей, подошедшей к финишной прямой, жизни, поклониться в последний раз дорогим могилам своих родных и близких.

Тимофеич, полузакрыв глаза, вспоминал с улыбкой, как навещал своих старинных дружков, тоже, как и он, избежавших пока встречи с костлявой, как вспоминали они за бутылочкой дни давно ушедшей молодости, как слезно расставались, наверняка уже зная, что не суждено им больше увидеться на этом свете. И каждый день в течение всего своего визита Тимофеич посещал кладбище, приводил в порядок близкие сердцу могилки и прощался, прощался, прощался. Не забыл Тимофеич и о своей половине, сходил к ее былым подружкам, привет занес да купил гостинец в подарок — головку местного сыра, с давних пор больше всего любимого женой.

Автобус сбавил ход и остановился у родной таможни.

«Забирайте сумки, готовьте документы,— напомнил водитель.— Сразу предупреждаю, у кого возникнут трения с таможенниками, ждать не стану, уезжаем сразу, как только проверят последнего».

Пассажиры, подхватив свою поклажу, потянулись к выходу, доставая документы. Сразу у автобусных дверей их встречал здоровенный таможенник, молча и строго брал паспорта, подозрительно и долго сверял их с оригиналом, скрупулезно разглядывал штамп прописки и медленно возвращал документ владельцу, внимательно всматриваясь в следующего приехавшего.

«Да,— с уважением подумал Тимофеич, невольно распрямляя свою щупловатую фигуру,— у таких молодцов никакой шпион и контрабандист не проскочит, вон как глазами стреляет! От такого ничего не утаишь, я — свой человек, а и то заробел, что уж тут про людей с нечистой совестью говорить! На замке все ж, видать, наша граница, что бы там не болтали»,— и старик, гордо расправив плечи, отошел к очереди, выстро-

ившейся к столу, за которым проверяли вещи приехавших еще два здоровых красно-мордых бугая и молодая смазливая худющая девица с ярко напوماженными губами.

— Что везете? — машинально спросил Тимофеича один из таможенников, запустив по локоть руки в сумку и быстро перебирая в ней вещи.— Наркотики, оружие, валюту?

— Я — террорист,— автомат с глушителем везу и мину с дистанционным управлением,— засмеялся вдруг Тимофеич, пытаюсь скрыть вспыхнувшую досаду.

Таможенник от неожиданности столь наглого, на его взгляд, заявления моментально прекратил манипуляции руками и, багровея, уставился на старика.

— А дед-то шутник,— тут же уловив смену настроения своего начальника, недобро произнесла девица.

— А мы сейчас этого шутника проверим. Так говоришь — террорист? — с издевкой в голосе произнес мордатый.— Да какой из тебя, пенька трухлявого, террорист! Небось оружие в своей жизни и в руках не держал.

Тимофеич словно остолбенел от такого неприкрытого хамства, стоял, раскрыв рот и моргая глазами.

— Что зенками бегаешь? Перессал, старый, знать, совесть все же нечиста у тебя,— продолжал ехидничать досмотрщик.— Счас мы тебя на предмет контрабанды прощупаем, наверняка что-нибудь незаконно провозишь.

— Да как вы смеете так со мной обращаться! — взвился Тимофеич.— Я фронтовик, я честный человек!

— А если честный, так чего развыступался? — подозрительно зашипела девица.— А ну-ка вытряхивай все из своей сумки.

Тимофеич, тяжело дыша, вывернул содержимое сумки на стол.

— Натё, ищите, но если ничего не найдете, вам это так даром не пройдет.

— Ты еще и грубишь? — побелел губами щекастый.— Ну, пеняй на себя, пень старый!

Девица ловко выпотрошила вещи старика, тщательно их прощупывая, и вдруг победно вскинула голову:

— Вот! — протянула она начальнику целлофановый мешочек с чем-то круглым внутри.

— Что это? — уставился тот на Тимофеича.

— Сыр, жене гостинец везу.

— Сыр, говоришь, а сколько его здесь? — ласково поинтересовался щекастый.

— Килограмма два,— недоуменно посмотрел на него Тимофеич, ошарашенный изменившимся тоном.

— Два кэгэ, ясно! А ты знаешь, сколько можно провозить? — так же мягко плел языком государственный человек.

Тимофеич вопросительно пожал плечами.

— Один кэгэ, милый ты наш террорист, всего один,— издевательски заулыбался мордатый.— Все сверх этого считается контрабандой.

Тимофеич побледнел.

— Так откуда я знал, сколько можно везти,— испуганно прошептал Тимофеич.— И что теперь со мной будет?

— Посадят теперь тебя, старый ты индюк,— расхохотался мордатый.

— Дошутился, на зоне теперь шутить будешь,— продолжали веселиться стражи границы, глядя на вконец растерявшегося старика.

— Вы его еще долго мучать будете? — вдруг раздался голос водителя.

— Езжай давай, от греха подальше! — крикнула в ответ девица.— А то и на тебя акт составим, за то, что возишь контрабандистов.

Шофер зло сплюнул под ноги, сел за руль, и через минуту автобус отъехал от опасного места.

— А как же я? — беспомощно спросил старик.

— А что ты? — удивленно вскинула брови девица. — Ты остаешься.

— Будем, дед, бумагу на тебя составлять за незаконный ввоз контрабанды на территорию нашей страны. Вот так-то, — нагнулся над Тимофеичем мордатый, — дошутился ты, дед, досмеялся, теперь пришло время ответ держать.

— Ребятки, да бросьте вы, ну какой из меня контрабандист, мне уж восьмой десяток идет! Да заберите вы этот сыр, бог с ним, — совсем испугался Тимофеич, — отпустите меня домой, а?

— Нет, дед, будешь штраф платить, как минимум, — продолжал давить на бедного старика таможенник, — и не малый.

— Сколько? — трясущимися руками Тимофеич вытащил из кошелька деньги. — У меня тут сто десять рублей и пять долларов осталось.

— Не, гляньте на него! — соорудил возмущенную мину мордатый. — Никак он нам взятку желает предложить? Дед, а ты знаешь, что за это бывает? — разыгрывая справедливое негодование, продолжал спектакль таможенник. — А ну-ка, красавица, составь-ка акт на деда о попытке дачи взятки должностному лицу, — подмигнул он девице.

— Эт мы мигом, — заулыбалась довольная бесплатным представлением работница таможни.

— Вы что, издеваетесь? — стало доходить до Тимофеича. В глазах у него потемнело, словно очередью плеснуло из далекого сорок пятого. — Фашисты вы, подонки!

— Что-о? Оскорблять при исполнении?! — аж подпрыгнул мордатый. — Ну все, старый пень, ты мне надоел, — и ткнул своим увесистым кулаком в бок Тимофеича.

Старик согнулся пополам, хватая ртом воздух, несколько секунд пробыл в такой позе, опустился на пол и беззвучно заплакал, а еще через минуту вдруг стал заваливаться на бок, закатывая при этом глаза

— Что с ним? — испуганно кинулась к старику девица и, увидев пену на губах Тимофеича, отпрянула назад. — Падучая!

— Вот черт, — прижал деда к полу мордатый, — пошутили мы, дед, пошутили! — Когда же Тимофеич пришел в себя, виновато стал оправдываться: — Ну, ты сам хорош. Мы на государственной службе, а ты со своими шуточками дебильными. Хорошо еще на нас попал, была б другая смена, там бы с тобой...

Тимофеич тупо смотрел по сторонам и никак не мог сообразить, что с ним, где он и зачем. Но вот взгляд его наткнулся на злополучный сыр, лежавший у края стола. Старик резким движением руки сбросил продукт себе под ноги, вцепился в него мертвой хваткой и стал быстро откусывать огромные куски, моментально проглатывая их. Через несколько мгновений головка сыра уменьшилась на два трети.

— Это — бабке, — отложил остатки в сторону Тимофеич. — Гостинец. А это, — похлопал себя по животу, — вам контрабанда, — и мстительно засмеялся: — Съели?

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

ЗНОЙ

- Сколько?
— Тридцать.
— В девять часов! Что же будет днем?!
- Будет, как вчера. Сорок.
— Это становится невыносимо. Третью неделю одно и то же. Стоит пошевелиться, что-нибудь сделать, и становишься мокрая, как мышь.
— Тебе легче, ты можешь дела делать в доме. А я не могу выйти на улицу. Дел полно. Все зиму планировал вырубить облепиху. Растет, как зверь. Весь участок в ее отростках. И тоже, чуть пошевелишься, пот градом.
— Мне и в доме не сладко. От плиты такой жар. Еще гости... готовить на такую ораву. Зачем приглашали...
— Приглашали весной. Кто думал, что будет такое пекло. Потом давно не виделись. Думали, шашлычок, водочка из холодильника. Все, как у людей. Люди из Англии приехали, соскучились, хотели на нашу дачу посмотреть. Твоя Маша с семьей хотела посмотреть на заграничных друзей.
— Водку в такую жару. С ума сошли.
— Пиво будем пить, из холодильника.
- Доброе утро. Или как говорят англичане — morning. О чем воркуете?
— Привет, Жора. Как спалось? Обсуждаем меню на breakfast. Как на счет bacon and eggs?
— Папочка, кто же в такую жару жирную пищу ест. Творог с медом тебя устроит? Творог деревенский. И мед тоже. Леночке мюсли с молоком? Мишка что на завтрак ест?
— Мишка на завтрак ест все. Аппетит зверский, растет, как гриб после дождя.
— Пойду, причешусь к завтраку. Папа, накрывай на стол.
— Ну и жара у вас! С ума сойти. Не думал, что в России может быть такая жара.
— Как поживает за граница? Сколько вы там пробыли?
— Страшно сказать, старик,— пять лет.
— На завтрак — «овсянка, сэр?»
— Русский человек ко всему привыкает.
— Интересно, англичане что-то заимствовали из кухни своих колоний?

---

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год. На фото: член редколлегии «ПЗ» Игорь Нехамес вручает Рудольфу Артамонову диплом лауреата премии.

— Кажется, ничего. Рестораны есть всякие — китайские, японские, итальянские... Даже русский... А едят томатный суп, картошку жареную, чипсы, и рыбу. Fish and cheeps. Выпечка у них хороша... И чай с молоком.

— Слушай, Димон, как вы тут при такой жаре живете? С утра уже тридцать восемь. С ума сойти можно. Я всю ночь была мокрая, как мышь. Снились кошмары.

— Леночка, все то же самое и с нами. Здесь еще ничего. В городе смог, горят торфяники.

— Я думала, что на даче полегче, а в доме, как на улице, та же температура.

— Сейчас мать придет, будем завтракать. Машу с мужем ждать не будем. Познакомишься с моей свояченицей. В Лондоне бывает такая жара?

— Бывает, но не такая сумасшедшая. Выше тридцати не помню. А потом, как сами англичане говорят, за день могут быть и весна, и лето, и осень.

— Ленка, привет! Как спала на новом месте?

— Извини, хреново. Разве в такую жару можно нормально спать. Кондишин нельзя было поставить?

— На даче кондишин не ставят. Пробки повывлетают.

— Жора, в Англии дачи есть?

— Загородные дома имеют только состоятельные люди. Как правило, это наследственные усадьбы. Дача это наше русское изобретение.

— Так что ты, отец, состоятельный человек. Загородный дом имеешь и шесть соток. Буду теперь тебя звать — сэр.

— Слушай, старик, почему у тебя нет бани? На даче баня — обычное дело. Попарился, веничком похлестался, принял и... шашлычок.

— Ребенком баню не любил. В поселке, где мы жили, была баня. С отцом ходил. Голые грязные мужики. Стоишь рядом, он намылится, потом из шайки окатит себя, и на тебя летит грязная мыльная пена. Б-р-р! А душ, хоть пять раз в день принимай. Баню пять раз топить не будешь. Как наш душ, понравился? Сам делал... Маша подъехала... Пойдем, встретим...

— Знакомься — жена сестра, Петька и Маша младшая. Это дядя Жора, мой давний друг. Вместе учились в институте. Это его жена, Леночка. Сейчас появится их сын Мишка, по-ихнему Майкл. Они из Англии приехали.

— Здравствуйте. Очень приятно.

— Здравствуйте, очень приятно познакомиться.

— Вы поели?

— Слегка. Электрички к вам редко ходят. Пришлось торопиться.

— Ну, что, мать, можно начинать завтракать.

— Здравствуй, Маруся. Как доехали, в электричке было много народу? Где Петр?.. Не смог по работе? Здравствуйте, племяшки. Как раз к завтраку успели. Рассаживайтесь. Так, раз, два, три, четыре... Сколько нас? Жора, ты садись рядом со мной. Ты студентом за мной ухаживал. Помнишь? Не помнишь. А я помню. Можно сказать, первая любовь. Димон был потом... Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Мать, ведь я у тебя был первый. Чего ты городишь.

— Первый, первый. Не беспокойся.

— Кто-то из великих сказал, что любовь мгновение, потом привычка.

— Потом привычка. Это, Жора, ты правильно сказал. Могу подтвердить.

— Это и я могу подтвердить. Привыкла к этому охламону, несмотря, что в Англию послали.

— Ленка, в Англию охломонов не посылают. Жора как знал, что за границу поедет. Слегка фарцевал. Всегда одевался — закачаешься. Трудно было не влюбиться.

— Все! Поели? Сейчас кино будем смотреть. Сначала дети, потом взрослые. Все равно, на улицу выйти невозможно. Солнце просто злюка. Правда, дети?

— Дети, так, садитесь. Что поставить?

— «Шрэк три». У вас есть, дядя Дима?

— Есть. Смотрите.

— Нет, лучше «Ледниковый период».

— Нет, «Мадагаскар»!

— А «Ну, погоди» не хотите?

— Нет!

— Нет!

— Галчата... Ставлю Шрэка.

— Спасибо, дядя Дима.

— Только дети в такую жару еще способы что-то смотреть... А мы что будем смотреть? А?

— В такую жару что-нибудь холодненькое.

— Жора, тебя устроит «Красная палатка»? Пошли, покурим. Дамы, мы оставляем вас...

— Вот здесь в тенек спрячемся, а то изжаримся...

— Ну, что, как тут жизнь? Кого из наших помнишь? Как они?

— Кто как. Сашка Тарасов невролог, главным врачом у себя в Рыбинске. Андрюха Плющев, помнишь, прозвище у него было Соплющев, спился и помер. Помнишь, мы все в походы ходили. Он стал мастером спорта по спортивному туризму. Девчонки, помнишь Юлю Коновалову? Тютюля наша — мать троих детей и главный педиатр у себя в Великих Луках. Аллочка умерла — сердечный приступ. Здоровая была, спортсменка. Софочка за меня вышла. Ей ты нравился. Я знаю. Кто их поймет?

— Помнишь, мы чуть не подрались из-за нее... Ленка меня перехватила. По жизни могу сказать, это нам кажется, что мы берем их в жены. Все наоборот. Если женщина захочет, она сама возьмет тебя.

— Ну, а ты?

— Клиницист из меня был хреновый, ты знаешь. Пошел по организации здравоохранения. Потом экспертом ВОЗ по Европе. Потом советником посольства в Лондоне по здравоохранению... набрал материал для диссертации. Приехал писать.

— Сколько лет прошло?

— Я думаю, лет так пятнадцать. А ты?

— Что я. Завотделением. Пять лет назад от родителей осталось нам с Софочкой шесть соток. Как видишь, дом построили... детей один Сашка. Четырнадцать ему, в лагерь уехал.

— Мальчики, девочки соскучились. Идите к нам.

— И то, правда, здесь изжариться можно. Пошли в дом.

— И здесь жара.

— Пиво будешь?

— Нет, с утра не привык.

— Ice tea? Специально для вас приготовили... Наливаю всем.

— Как насчет душа?

— Еще рано. Вода нагреется к часам двум. А сейчас еще прохладная.

— Самое оно.

— Жора смотри, не простудись.
— Софочка, не беспокойся. Холодный душ утром стал привычкой.
— Обо мне ты так не беспокоись.
— Папочка, не будь занудой.

— Жора, ну, как?
— ОК!
— Душ сам делал.
— Отец, ты это уже говорил.
— Что, еще раз сказать нельзя?!
— Ты перегрелся. В жару все такие нервные стали. Обычно он мне не грубит.
— Обычно ты меня не одергиваешь
— Жора в Англии, наверное, все мужчины джентльмены?

— Отнюдь. Хотите типичный английский анекдот? В вагоне для курящих в купе входит женщина. Напротив сидит джентльмен и курит трубку. Она дает знать, что ей это неприятно и начинает кашлять. Он ноль внимания. Она злится и говорит: «Если бы вы были мой муж, я бы дала вам яду». А он: «Если бы вы были моей женой, я бы его принял». Вот такие джентльмены.

— Как хочется за границу. Закончим с дачей, расплатимся и обязательно поедем. Да, отец?

— 12 часов. Сейчас самая жара начнется. Есть предложение завалиться спать. «Кина не будет». Наверх пойду я, там жарко от крыши. Приношу себя в жертву. Англичанам большая комната, а сестрам на веранде. Там можно открыть обе двери, устроить сквозняк. Нет возражений? Кто не хочет спать, есть книжки и журналы. Кстати, я свез на дачу все журналы первой половины 90-х. «Огонек», «Новый мир», «Юность», «Иностранку». Один мой приятель уезжал на ПМЖ в Израиль, мне отдал. Чтение, скажу вам, прелюбопытное. Какой энтузиазм! Какие надежды! Какие перспективы! Все ушло в гудок.

— Не у всех.

— Ты имеешь в виду меня?

— Ладно, не будем. Пошли спать... Дети найдут себе занятие. Они легче переносят жару. Есть бадминтон, велосипед.

— Эти шесть соток Софочкиных родителей. Получили в недалекие времена от советской власти бесплатно. Дом я помогал строить. Теперь он наш. Не знаю, что бы мы делали без дачи.

— Что бы делал без дачи ты. Сейчас такая жара, а кроме кухни надо еще заниматься огородом.

— Ладно, ребята. Кончайте. Это от жары все. Скажите, почему сейчас сотка.

— Хотите обзавестись загородным домом, сэр? Есть элитные районы, где сотка по 10 тысяч долларов. Если далеко от города, то меньше. Чем дальше, тем дешевле.— А Ленка не против. Дачу надо любить или не заводить. Леночка, ты как?

— Не знаю...

— Значит, не хочешь. Все. Расходимся. Спать, спать... Кто первый встает, делает чай.

— Конечно, это я.

— Конечно, это ты. Ты хозяин.

— Что это? Как громынуло! Что—то упало или сломалось? Кажется, дом задрожал.

— Это гроза начинается.

— Ленка, никогда грозы не видала? Посмотри на себя — губы трясутся, побледнела... Мужики, срочно все окна закрывайте.

— А дом не развалится?.. Ой, опять грохот! А это что забарабанило?

— Судя по всему град.

— Точно, на траве белые шарики.

— Дети, вас тоже грохот разбудил? Идите, смотрите, град какой. Наш Мишка града еще не видал. Смотри, ледяные шарики — это град. И по стеклу стучат.

— Здорово!

— Здорово!

— Пошли собирать.

— Ни в коем случае нельзя. Громом убьет.

— Лена, не морочь ребятам голову. Убивает не гром, а молния.

— А что такое молния, дядя Жора?

— Электрический разряд.

— Бабах! Бабах! Ух, ты здорово.

— Хотите, научу, как определять далеко гроза или близко?

— Хотим! Хотим!

— Звук идет со скоростью чуть больше, чем триста метров в секунду. Вот молния сверкнула, считайте.

— Раз, два, три.

— Три!

— Три секунды. Помножаем 300 метров на три. Сколько будет?

— Петька, сколько? Пятый класс.

— Девятьсот.

— Вот, приблизительно гроза от нас за километр.

— А это что за шум.

— Это ливень. Дождь.

— Вот это, да! Соседского дома не видно.

— Да. Стена воды.

— Смотри, что-то пролетело за окном?!

— Отец, у тебя ничего не могло улететь?

— У меня ничего. По-моему у соседки сорвало белье с веревки.

— У меня было предчувствие грозы. Так парило, так парило. Дышать было невозможно.

— Ты, мамочка, как барометр. Что же не предупредила?

— Хоть бы электричество не вырубил. У нас, если сильная гроза, отключают электричество. Иногда на полдня. Один раз пельмени разморозились, а потом, когда ток дали, смерзлись, как булыжник. Топором рубили...

— Все, дождь кончился. Скорее на улицу.

— Ребятам раздолье. Весь день кисли от жары.

— Петька, не брызгайся. Я тоже хочу по луже побегать.

— Майкл, иди к нам. Сними сандали. Побегай босиком.

— Ого! Смотрите, какой кусок шифера в землю воткнулся, как раз под нашими окнами.

— Откуда он взялся? Посмотри, отец, не с нашей ли крыши.

— Наша целая...

— Выбрось на дорогу.

— Это с вашей крыши, Валентина Бонифатьевна?! Не может быть. Перелетела с вашего участка через дорогу к нам.

— Жора, ты везунчик. Если бы попало в твою хонду, ремонт на пяток кусков был бы обеспечен.

— Слушайте, у вас тут, как в эмиратах. Сорок. Что с погодой делается...

— Глобальное потепление.

— «Гроза прошла, и ветка белых роз в окно мне дышит ароматом». Блок, если кто помнит.

— Гроза прошла, а легче не стало. Опять жарко. С ума тут у вас можно сойти. И на долго это?

— Говорят еще недели две.

— Нет, надо бежать отсюда.

— Леночка, куда?

— Не знаю, мать. В Прибалтику. Или в Норвегию. Сэр, как вы на это смотрите?

— Смотря с какой стороны посмотреть.

— Дипломат. Посмотри с какой-нибудь.

— По деньгам — в Прибалтику. По комфорту к скандинавам.

— Отец, а мы с тобой куда? С какой стороны будем смотреть?

— К Маше поедем. У них дом бревенчатый, рубленный, в нем прохладно. Речка же опять рядом.

— Блестящая перспектива. Мужики на рыбалку. Бабы к плите.

— Мать, я тебя не узнаю. От жары что ли...

— У меня вся жизнь — жара.

— Ребята, ладно вам. В самом деле, от жары можно взбеситься.

— Это не жара, а зной какой-то. Ветерок и тот горячий, как из печки.

— Дождя, по всему, больше не будет. Пока не очень жарко, мужики, запалайте мангал. Я с вечера мясо замариновала.

— Софочка, ты как маринуешь мясо?

— Укус, вино, лучше красное и луку побольше.

— А мясо какое?

— Обычно свинина. Баранина редко.

— В Лондоне мы делаем барбекю. Тоже мангал и решетка складная. С обеих сторон жариваешь. Шашлык делают только в русских ресторанах.

— На природу выезжаете?

— Нет. У нас дом, ну, как сказать, с палисадником, по-нашему.

— Мальчики! Можно нести мясо?

— Та-ак. Рассаживаемся. У всех все есть вилки-ложки. «Мамочку» запотетую прямо из холодильничка на середину... Ну, поехали.

— Жора не будет.

— Почему?

— Мы решили ехать домой.

— Да вы что! Чтой-то так?

— Извини, Софочка, но еще одну такую ночь я не вынесу. Жара сумасшедшая. Скорей домой под кондишин.

— Жора, скажи Ленке — завтра поедете.

— Извините, ребята, в самом деле, невыносимо жарко. И Мишка канючит. Как-нибудь в другой раз.

— А я приму. Как говорят — на грудь. Спасибо, что приехали. За тебя, Жора. За тебя, Леночка.

— Не обижайся, старик. Мы с тобой еще посидим.
— Посидим, когда поседем... Это я так, не обращай внимания.
— У отца от жары мозги расплавились.
— У меня, может, душа расплавилась.

— Ну, пока. Дай я тебя облобызаю. И тебя, Ленка, тоже.
— До свидания, Жора... До свидания, Ленка... Не забывайте нас.
— Во, машина. Зверь! Камешки из-под колес так и брызнули.
— Ну, что ж, мать. Завтра к Маше поедем... Маша, мы к тебе. Примешь? Петра твоего давно не видели. Пообщаемся. Все—таки родственники... Собери, мать, что с собой взять.
— Готовь рюкзак. Вон сколько еды осталось.
— Там допьем, доедим. Нам машину не вести.
— Нам машину не вести. Нет ее. Потому и не вести... Как за границу хочется, кто бы знал!

Наталья Квасникова*
(г. Москва)

АПОФЕОЗ

Метро не просто вид быстрого транспорта, а, пожалуй, современный образ жизни большого города. Город — тоже изрядно трансформированное понятие. Когда-то это было торговое поселение, затем крепость, сейчас многофункциональный техногенный объект, где человеческая единица с ее эмоциональным зарядом воспринимается с большой долей небрежности. Громадность сооружений настолько велика, что на первый взгляд рискуешь почувствовать себя микробом, если на мгновение забыть, что все арки, переходы и перегоны, туннели и освещенные поезда — «дело рук», как замечала еще незабвенная Марина Цветаева.

Днем не слишком много народу в вагоне, все желающие устроиться поудобнее, нашли себе сидячие места. Молчаливые, неприступные лица, глаза, как закрытые ставнями окна. Поклевывает носом в эпизодической дремоте старик в кепке; женщина, жесткая, кряжистая, вроде полувековой сосны, уверенная в себе и в том деле, ради которого она здесь, со взглядом, не одобряющим все, что попадает в поле зрения; расплывшийся на два кресла рыхлый мужчина, утомленный тугим пестрым галстуком... Не менее живописна сухопарая дама старообразной интеллигентной наружности, — едет, конечно, домой, купила изящный карниз для штор, созерцает окружающих с чувством осознания превосходства своей породистой аристократической внешности. Когда меня с некоторым снисходительным пренебрежением касается ее торжествующий взор, начинаю ощущать собственный избыточный вес, отсутствие косметики и слишком красные щеки.

В стороне, по-современному грубовато, развивают отношения парень и девушка с дредами — у нее короткие, у него длинные, ниже плеч. Металлические бородавки пирсинга на висках, губах, носах и бровях образовали новый, далекий от наследственного, облик, красота которого понятна только им.

В стороне от других присел немолодой худощавый человек, одетый неброско, но явно дорого, и, похоже, не привыкший к езде на общественном транспорте. Какой случай загнал его в обитель смертных? Однако, все бывает. С ним очень юная девушка-эльф необыкновенной, редкой и яркой внешности — естественная брюнетка, блестящие черные глаза, профессиональный утонченный макияж, стильная экипировка, одновременно отвечающая требованиям женственности и моды. Ссорятся. Сначала тихо, сдержанно жестикулируя, шепотом. По всему ясно — не отец и дочь, а любовники. Очевидно, что содержанка. Ему неловко, жметесь, морщится, успокаивает. Возраст настаивает на солидности, в то же время соблазнительно, мелким бесом дразнит комплекс Фауста. У нее другие сроки, иное измерение времени. Нет никакого сходства с любовью, которая иногда случается, стирая разницу лет. Она входит в

---

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год.

раж, раздражаясь его попытками избежать публичности. Бессознательно живет в ней щенячий, беспомощный страх ненадежности существования. Избалованная девчонка, однажды осененная ужасной догадкой, что больше некому обеспечивать ее удобством и покоем. Привычка к зависимости победила. По изломанным, искусственным, чрезмерно капризным манерам видно, чего это стоило. Личности не осталось, только животное, которое смертельно боится однажды оказаться ненужным и выброшенным на улицу.

— Ты обидел меня, папочка,— тянула красотка, выпрыгивая голосом из шепота в полувизг.— Ты еще никогда мне не отказывал. Я хочу, слышишь, ХООЧУ, купи мне...

— Тебе разве мало? — брезгливо кривился хозяин.— Помолчи, дома поговорим.

— Зови меня киской! — вдруг закричала она на весь вагон.— Как сегодня утром! Или ты уже не помнишь?..

Старик в кепке открыл глаза и посмотрел на парочку с презрительным удивлением. В отличие от меня, ему все было ясно без психологических умозаключений.

— Я не могу сейчас об этом,— резко и громко ответил спутник недовольной красавицы, решив, видимо, прибегнуть к крайней мере воздействия,— если ты думаешь, что остаешься привлекательной, злясь и вопя, то сильно ошибаешься!

Девушка испугалась так, что совсем потеряла голову.

— Неужели я больше не нравлюсь тебе в постели? — немедленно зарыдала бедняга, сразив его внезапной истерикой.

Осознав неудачность воспитательного приема, мужчина вскочил и рванулся к выходу, она бросилась за ним. Поезд еще шел по туннелю, и нам довелось досмотреть сцену до конца. Современный Фауст, оглядываясь по сторонам, вороватым полупшепотом угомонял свою распалившуюся Маргариту, уверяя, что по-прежнему нуждается в ее нежных услугах. Едва остановился вагон и разъехались двери, как дикая чета вырвалась наружу и быстро исчезла в толпе, успев ошеломить ближайших прохожих страстной жестикуляцией и эротической патетикой речи.

* * *

...Жила девочка, и было это, кажется, очень давно. На детских фотографиях остались простодушный взгляд, милые ямочки на щеках. Невозможность ничтожной судьбы и мучительно раздраженных нервов. Убежденность в том, что для нее приготовлено самое безупречное счастье.

И вот — апофеоз.

Николай Макаров *
(г. Тула)

СКАЗКИ О БЕЛОЗЕРЕ

Где-то — сказки, а где-то — и не сказки. Где-то — для детей, а где-то — и не для детей.

РУСИЧИ И РУССКИЕ

— Белозер, вот, мы — русские...— сидя на лавочке около дома, хотела задать вопрос Светлана, но Белозер ее перебил на полуслове.

— Мы — РУСИЧИ! Потому что у нас с тобою и у других русичей нет другой крови, кроме древнерусской. Но кто говорит на русском языке, кто входит в духовное поле великой русской культуры, кто полностью разделяет наши духовные ценности, тот — русский. Хотя русской крови у них может быть и немного.

Белозер задумался.

— К примеру, русской крови у Сталина было мало, но он вначале считал себя русским, а потом только грузином. Или взять советского композитора Дунаевского, который всю жизнь писал подлинную русскую музыку и считал себя русским евреем.

— И другие народы в нашей стране, наверное, тоже считают себя русскими? — предположила Светлана.

— Конечно,— согласился Белозер.— Ведь, слово русский является прилагательным, оно обозначает качество. Кроме того, слово русский обладает магической объединяющей силой. Для других, особенно, для Запада, мы все — русские.

— Это — хорошо или плохо?

— Для русских — хорошо, для нас, русичей — плохо.

— Почему?

— Мы, русичи оказались в меньшинстве среди русских. Дальше — больше: из паспортов убрали графу о национальности. Теперь нас называют россиянами, за границей русских давно называют русскоязычными. Заметь, башкиры остались башкирами, ингуши остались ингушами, эвенки тоже остались эвенками и лишь русские...

РУСИЧИ И РУССКИЕ

(продолжение)

— Все поняла.

— Не так все просто.— Белозер в задумчивости посмотрел на Светлану: ишь, она поняла.— Кто считает себя русскими, кто осознал себя русским народом, надо не

---

* Наш постоянный автор, майор медицинской службы в отставке, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год.

копировать так называемых «героев» запада, а стремиться к нам, русичам. К тем, кто является духовными лидерами, кому можно верить и от кого можно очень многое почерпнуть.

— Например, что почерпнуть?

— Давай сама подумай.

— Прежде всего,— Светлана привстала с лавочки,— это наше русское чувство справедливости, чувство сострадания...

— Чувство меры,— продолжил Белозер,— любви к ближнему, безразличие к материальным ценностям...

— И безразличие к власти,— подвела черту Светлана.— Но сколько времени пройдет, чтобы у всех русских людей были наши врожденные качества?

— Когда-нибудь так и будет,— мечтательно произнес Белозер.— Будет, будет духовное родство всех тех, кто называет себя русскими, с нами, русичами.

РОДИНА БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ

— Ты, наверное, знаешь,— спросил Белозер Светлану,— что некоторые ученые по заданию темных сил везде и всюду стараются доказать, что белая раса зародилась на юге?

— Не только слышала, но и читала.

— Оказывается, все наоборот: наша белая русоволосая раса генетически сложилась не на юге, а на севере. Наши, русские ученые пришли к выводу, что лучше всего нервная система белого человека работает при умеренных и низких температурах.

Светлана невольно подняла глаза к домашнему термометру, на шкале которого столбик покрашенной жидкости показывал + 18.

— Да, это температура называется температурой комфорта; такая температура предусмотрена по Уставу в спальнях помещениях солдатских казарм. При понижении температуры кровь человека белой расы течет по капиллярам намного быстрее, чем у цветных и негров. Скорость крови по капиллярам зависит, естественно, от работы сосудов и сердца, которое у белой расы является мощным отопителем. Последнее зависит от нашего генофонда, который никогда не мог образоваться в теплой зоне нашей планеты. Поэтому и зародиться белая раса на юге никак не могла. Поэтому всякие ученые, кормящиеся из рук темных, изо всех сил цепляются за теорию Дарвина о происхождении человека. Тем самым скрывая от людей правду о возникновении белой расы и остальных на Земле.

ЖЕНЩИНЫ — СТЕРВЫ

Светлана отложила в сторону только что прочитанную книгу и, вроде бы не обращаясь к Белозеру, задала вопрос:

— Не пойму: почему в средние века на кострах инквизиции сжигали красивых женщин?

— Ничего себе вопросик! — удивился Белозер.

Хотя чему было удивляться? Светлана в свои четырнадцать лет и не такие книжки читала.

— Сжигали на кострах темные силы умных женщин и одновременно красивых. Заметь, красивых дур не сжигали. Это делалось затем, чтобы основная масса людей женского пола на Западе превратилась в психически ущербных стерв, которые помещаны на деньгах, власти, сексе и развлечениях.

— Ужас какой!

— Само собой разумеющееся, что умная и одновременно красивая женщина, умеющая ценить и любить мужчину, для сил тьмы очень опасна. Такая женщина способна вдохновить и повести за собой тысячи и тысячи, миллионы людей!

— Поэтому и место ей на костре.

— Вот, вот — такая женщина и является ведьмой, в лучшем понимании этого слова.— Белозер взял книгу у Светланы, пролистал ее и продолжал.— Поэтому темным силам и нужна на земле совсем другая женщина. Которая любит властвовать, по своей натуре очень эгоистичная, патологически обидчивая и истеричная, которая всеми правдами, а больше неправдами стремится к комфорту, к роскоши, получению всяческих удовольствий и в первую очередь, сексуальных — порой в извращенной форме. И заметь: такие женщины обязательно тупые.

— Да умных стерв, наверное, и не бывает?

— Правильно заметила: не бывает. Все они имеют куриный интеллект и животную страсть к развлечениям. Хотя многие женщины и называют себя с гордостью стервами, сами не понимая значение этого слова.— И Белозер задал очередной вопрос: — Ты, кстати, знаешь, что обозначает слово стерва?

— Знаю. Прочитала недавно. Стерва — это кусок гнилого, обсиженного мухами, смердящего мяса...

ГЕНЕТИКА И СЕЛЕКЦИЯ

— Как ты думаешь,— спросил однажды Светлану Белозер,— почему в свое время Сталин запретил генетику в Советском Союзе?

Светлана задумалась.

— Наверное, он догадывался, к чему может привести генная инженерия.

— Не догадывался,— пояснил Белозер.— Он знал наверняка, что с помощью геной инженерии будут выведены страшной и ужасной силы болезнетворные микробы и бактерии. А продукты с чужеродными генами превратятся в отраву для всего человечества.

— Поэтому,— опять блеснула эрудицией Светлана,— Сталин не пожалел Вавилова и его единомышленников.

— Точно так.— Продолжал развивать мысль Белозер.— Но мировой семенной фонд, который собрал Вавилов, Сталин сохранил. И сохранил для того, чтобы с этими семенами работали ученые, такие как Мичурин и Лысенко. Не генетики, а селекционеры. Наш великий ученый Лысенко признавал только естественные процессы изменения генофонда, а не искусственные. Искусственные могут рождать и рожают, к сожалению, только монстров и химер без будущего. И Сталин с этим был согласен.

— Значит, Лысенко не был шарлатаном?

— Совсем наоборот: он был великим ученым. И будущее биологической науки за Лысенко, за селекцией, а не за Вавиловым, не за генетикой.

ОБЩИНА

— В школах, наверное, и сейчас учат детей,— начал очередную беседу Белозер,— что первобытнообщинный строй наших предков являлся отсталой, примитивной формацией.

— Учат,— подтвердила Светлана, хотя сама давно поняла, что в нынешних школах, к сожалению, ничему путному не научат. Во-первых, нет настоящих нужных

учебников, во-вторых, нет настоящих учителей, а главное — отсутствуют настоящие державные руководители образования, да — и страны в целом.— Я вся внимание.

— На самом деле, общинные отношения позволяли и позволяют обществу избавляться от дегенератов и извращенцев. Что, в принципе, одно и то же. Кроме того, община требует от человека проявления духовности и накопления знания. И чем человек благороднее, совестливее, чем больше в нем любви, больше знаний и умений, тем большим он пользуется уважением в общине.

— Это — как большая семья.

— Правильно, община объединяет людей своими справедливыми законами, где все живут в пределах разумного и достаточного. Все необходимое дается общиной, что сверх того, становится собственностью общины. И чем больше человек дает общине, тем больше его в общине и уважают. В общине, в конце концов, человек не деградирует, а, наоборот, эволюционирует, меняется в лучшую сторону. И не последнее: в общине люди мало болеют и дольше живут, чем в тех же городах, в тех же селах и деревнях, где люди не в ладах с природой.

ОБЩИНА

(продолжение)

— В нашей стране где-нибудь сохранились общины? — интересуется Светлана.

— Этим летом мы с тобой в одну такую общину и поедem. В этой, да, и в других таких общинах, люди живут сколько хотят и не становятся глубокими стариками к шестидесяти годам. Как в так называемом «христианском» обществе, где существуют — иначе и не скажешь — и пьяницы, и забулдыги всевозможного рода, воры и грабители, где болеют чуть ли не всеми болезнями с рождения до старости.

— То есть, чем духовнее люди, чем меньше они зависят от материальных благ, тем лучше и дольше они живут,— не по летам делает вывод Светлана.

— Все правильно.— Белозер вспоминает недавнее прошлое.— Взять эпоху Сталина. О материальном и говорилось, и писалось мало. Зато в проекте Иосифа Виссарионовича значилось, чтобы в недалеком будущем всем советским людям дать не только обязательное среднее образование, но и два (!!!) высших. По всей стране при Сталине открывались новые ВУЗы, строились тысячи школ и библиотек, детских садов и яслей. И наш народ был самым образованным народом в мире.

— Страшно подумать, что творится сейчас,— горестно произнесла Светлана.

— Это с Хрущева, с этого лысого болтуна народ забыл о духовном росте, как клещ вцепился в материальные блага. Тогда-то и начался слом всего, что построил Сталин. Поэтому мы и вымираем по два и более миллиона человек в год. И не от материальной нищеты вымираем, как нам пытаются внушить, а от нищеты духовной.

ДЕНЬГИ

— Выходит, что в нашей стране существует рабство? — Светлана задает все больше и больше неожиданных вопросов.

— Правильно мыслишь,— поощряет ее Белозер.— При социализме у нас было только административное рабство, а сейчас, в эпоху капитализма, добавилось еще и финансовое рабство. Плюс ко всему беспредел чиновников и неограниченная власть денег.

— Правда, я не жила при социализме,— недоумевает Светлана,— но и при социализме существовали деньги.

— При Сталине деньги являлись вознаграждением за честный труд. Сколько человек зарабатывал, столько и получал. И здесь нагадил лысый кукурузник. При нем люди стали получать не столько, сколько заработали, а оклады. По своей сути, рабские пайки. Но ни при Сталине, ни после него, деньги в нашей стране кнутом надсмотрщика не являлись. Никто из советских людей не жил в кредит. Более того, никому и в голову прийти не могло брать деньги в кредит. А сейчас, что получается? Люди берут в банках кредиты — тем самым добровольно надевая на себя финансовую петлю. От которой даже смерть не может избавить: долги перейдут на детей, на внуков.

ДОЛЛАРЫ

— Какие сейчас в нашей стране больше всего в ходу деньги? — проверяет Белозер познания Светланы в этой области.

— Доллары, конечно же: американские доллары или доллары США, — пожимает плечами Светлана. — Чуть ли не в яслях дети знают, а в детских садах — наверняка.

— Не угадала! — Белозер горестно улыбается. — Бумажные ничем не обеспеченные бумажки, которые называются «долларами», печатает частный банк, а не государство. Соединенные Штаты как государство сами зависят от этого банка, сами у этого банка в долговом рабстве.

— Потрясающе! — только и могла промолвить племянница Белозера.

— И эти триллионы и триллионы фальшивок вывозят по всему миру, покупая на них нефть, газ, лес, руду, хлопок и все остальное, что имеет какую-то ценность. И в нашей стране распродается все, что только можно продать. Вот так, используя ничем не обеспеченные бумажки-доллары, темные силы обращают в рабство не только отдельных граждан, но и целые государства. А народы, нации, в том числе, и наш, русский народ, продолжает вымирать.

ОРУЖИЕ

Новый вопрос Белозера совсем озадачил Светлану:

— Чем принципиально отличается свободный гражданин общества от рабов собственного государства?

— Не знаю, — честно призналась Светлана. — А сочинять не хочу.

— Вспомним историю. Только классу рабов запрещалось носить оружие. Свободные люди всегда обладали правом носить любое оружие. Это — правильно. Если случалась война — ополчение шло на войну со своим оружием. Если царь-король пытался поработить свой собственный народ — этот народ вставал с оружием против деспота. Поэтому общество должно представлять собой силу, с которой государство будет считаться.

— А сейчас что творится? — не то спросила, не то утвердительно произнесла Светлана.

— А то, что наше общество сейчас — это толпа безоружных, обманутых всевозможными СМИ рабов. И что бы ни вытворяли с народом управляемые с Запада кремлевские «небожители», безоружный обращенный в рабство народ ничего серьезного сделать не сможет. Пример из недалекого прошлого. Процентом восемьдесят граждан СССР были недовольны политикой Горбачева, но что могло сделать безоружное общество против репрессивной государственной машины? Ничего. По прика-

зу Горбачева уничтожались товары и продовольствие на складах, чтобы создать дефицит в стране, за границу вывозилось все, что только можно. Даже золотой запас страны предатель и подонок Горбачев вывез в Швейцарию. А народ молчал — по-пробуй, пикни!

— Да, если бы народ имел оружие! — с сожалением вздохнула Светлана.

ОРУЖИЕ

(продолжение)

— Сталин — единственный, кто понимал, — продолжил Белозер, — что общество свободных людей должно быть вооруженным. В эпоху Сталина по всей стране только по охотничьим билетам продавались охотничьи ружья и малокалиберные винтовки. И никакого разрешения было не нужно.

— А сейчас только бандиты свободно владеют оружием, — добавила Светлана.

— Кроме того, — продолжил Белозер, — по Сталинскому закону отличившиеся военнослужащие имели наградное оружие: пистолеты, револьверы, шашки. Во времена Брежнева все это оружие у народа было отнято. Хотя в наше время в обществе имеется много оружия, но, как ты правильно заметила, все это оружие сосредоточено в руках чиновников, мафиози и бандитов. И получают у нас в стране вооруженные до зубов челюсти, которые перемальвают русский народ и коренные народы России: сверху правители, снизу бандиты. Поэтому «кремлевские», которые презирают и одновременно боятся своих граждан, делают все возможное, чтобы у простого народа имелось как можно меньше оружия, даже — охотничьего.

ДУХОВНОЕ НЕРАВЕНСТВО ЛЮДЕЙ

В один из вечеров, когда за окном разыгралась июльская гроза, Белозер заговорил со Светланой о духовном неравенстве людей.

— Как я поняла, это духовное неравенство заставляет человека не деградировать, а расти и совершенствоваться...

— Правильно. В таком обществе каждое сословие занимается своим делом. Хранители знаний — раньше их называли жрецами — являются учителями для всех остальных сословий. Управленцы, они же — витязи занимают командные посты в обществе и несут ответственность за свои неправильные решения. Самое большое сословие — труженики, которые трудятся не ради своей выгоды, а ради идеи. В таком обществе по определению не должно быть ни рабов и ни холопов.

— Идеальное общество. Где только на Земле оно существует?

— Сейчас такого государства на Земле нет, но раньше наши предки жили именно в таком государстве. — Белозер произвольно вздохнул. — Давным-давно это было. Но не будем отчаиваться. Будет, будет и у нас такое общество. Хотя, сейчас и на Западе и в нашей стране размыты сословные рамки. И поэтому к власти пришли по своему складу ума холопы и рабы. Которые озабочены только тем, как бы больше набить свое ненасытное нутро, как бы удовлетворить все свои низменные стремления и желания. И никакого дела до простого народа у таких правителей нет, не было и не будет. А коренной народ вырождается, деградирует.

НЕПРИКАСАЕМЫЕ

— Белозер, прошлый раз ты упомянул про холопов...

— У наших древних предков,— начал свой рассказ Белозер,— существовали ведические сословия...

— Жрецы, витязи, труженики,— продолжила Светлана.

— Молодец, помнишь. Но существовали и так называемые «неприкасаемые», хотя сословием они никогда и не являлись. К этой же группе людей относились и холопы.

— Чем же они отличались от других сословий? — удивилась Светлана.

— И тогда, и сегодня все они — больные, недоразвитые люди, разного рода половые извращенцы. Каких-то тысячу лет назад наши предки неприкасаемых и за людей не считали. К таким людям даже близко не приближались.

— Почему?

— Исходящая от неприкасаемых психическая зараза могла поразить и нормального человека. Но не только их половая ориентация, но и их патологическая страсть к угнетению слабых и полная рабская покорность перед сильными отвращала от них нормальных людей. Наши предки справедливо считали, что дружба неприкасаемых построена в основном на половых и экономических связях, что они не способны любить. У них нет понятия чести, совести, благородства, отсутствует чувство сострадания. Но они обладают не имеющим границы агрессивным эгоизмом.

— Страшно... — только и смогла произнести Светлана.

— Поэтому наши предки и считали «неприкасаемых» психологически больными говорящими животными.

— А сейчас по-другому к таким людям относятся,— констатировала Светлана.

— Верно подмечено. На Западе да по большому счету и у нас в стране с большой нежностью и заботой относятся к различным психопатам-извращенцам. Они считаются не больными, а половыми меньшинствами. В обществе для них все двери открыты, у них прав больше, чем у нормальных людей. А созидателей, тружеников постоянно превращали и продолжают превращать в пустоголовых потребителей. Это — первый шаг к дегенерации, к вырождению, скатывание по эволюционной лестнице.

— В-общем, назад, к обезьяне,— нерадостно заключила Светлана.

ЧУЖОЙ ГЕНОФОНД

— Да,— подтвердил Белозер.— Еще на вырождение белой расы влияют смешанные браки.

— Слово-то какое: браки,— добавила Светлана.

— Конечно, брак он и есть — брак. Но сейчас не об этом разговор.— Белозер нерадостно посмотрел в окно.— Каких-то сто лет назад в нашей стране, особенно в деревнях и маленьких городках, все новые семьи строились по определенным понятиям. Основными положениями выступали высокие духовные качества, трудолюбие супругов, их таланты, доброта, честность, бескорыстие, щедрость. А если кто-то где-то что-то украл или кого обманул, то клеймо на эту семью, на весь род, в конце концов, ложилось на многие поколения. И из такого рода переставали брать невест и женихов. Также позором считались женитьба и выход замуж за неславянина — такие парни и девушки обязаны были покинуть своих родных и близких. Практически они становились изгоями. Дети от таких родителей, естественно, становились нечистокровными.

— И за кого только наши девушки сейчас не выходят замуж,— вздохнула Светлана.

— За кого угодно, только не за русских,— продолжал Белозер.— И ни одной из наших дур — иначе их и назвать нельзя — невдомек, что она распоряжается не своей кровью, а генофондом наших русских предков. Невдомек, что через ее прихоть и похоть в генофонд русского народа проникают чуждые гены, которые ускоряют дегенерацию и, как следствие, вырождение белой расы.

БЕЛЫЕ В АМЕРИКЕ

— В Америке тоже есть белая раса,— вслух раздумывает Светлана.— Там как обстоят дела?

— В Америке совсем плохо,— замечает Белозер.— Сейчас в Америке осталось менее 30% белого населения, остальные — цветные. Мало того, после сексуальной революции для девушек Америки главным в жизни стал секс. Секс и еще раз — секс. Ко всему прочему цветная братия считается в постели лучше, интереснее, чем белые. Прибавь к этому американское образование.

— Всякие тесты и ЕГЭ?

— Не только это. Там дети негров и других цветных учатся на равных с детьми белых не могут. Нет, чтобы сделать раздельное обучение по разным программам,— там пошли другим путем. Снизили уровень всего среднего образования, уравнили всех до их «двоечников» — зато все подчинено однообразию. И поэтому духовные и умственные способности детей белых опускаются все ниже и ниже. В психологии существует закон: «Если в детстве психику ребенка не загружать до отказа, то такой ребенок не только останавливается в своем духовном развитии, но и превращается в дегенерата».

— В наших школах думаешь, лучше?

— Попробовал бы кто при Сталине предложить нынешние учебники для школьников и нынешнюю школьную программу, а сейчас все — на западный манер. Скорость дегенерации населения в нашей стране, к сожалению, от такого обучения с каждым днем набирает все большие и большие обороты.

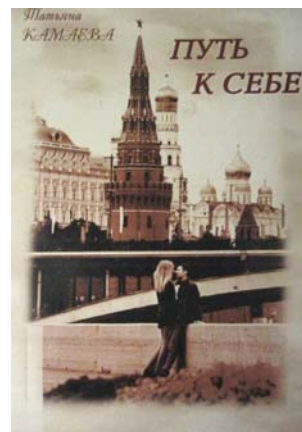
— Неужели руководители нашей страны этого не понимают? — в отчаянии вскрикнула Светлана.

— Понимают, еще как понимают,— дегенератами управлять намного легче и безопаснее, чем грамотными, духовно развитыми людьми...

Татьяна Камаева
(г. Москва)

ОДНОКЛАСНИКИ.RU

Татьяна Камаева, прозаик, член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас», автор книги «Путь к себе».

Сегодня у Татьяны торжественный день — свадебный юбилей, значит, много беспокойства и приятных хлопот. В первую очередь она решила проверить электронную почту, принять поздравления и поблагодарить за них друзей, далеких и близких. Женщина включила компьютер, автоматически открылся сайт «Одноклассники.ru», и на экране появилось сообщение: «Танча, напиши о себе». Фотографии не было, фамилия вымышленная, но она-то прекрасно знала, что только Он называл ее так. Сердце учащенно забилось, ему стало тесно, оно наполнялось сверхъестественной силой и рвалось из груди. Кровь ударила в виски, голова закружилась, и что-то внутри сладко защемило. Переведя дыхание, Татьяна набрала в «поиске» его данные, и появилась фотография. Она не могла ошибиться — это был Он. С экрана на женщину смотрели его глаза, как всегда пронзительные и дерзкие, она видела его губы, которые целовали ее. Это был Он, в которого Татьяна влюбилась с первой секунды, с первого взгляда. С ним кружилась в вихре вальса и встречала рассвет в выпускном классе. В него были влюблены все ее подружки и одноклассницы. «Но он был мой! Только — мой!»

Они познакомились на школьном вечере. Девушка обратила внимание на незнакомого парня, который вошел в зал и стал искать кого-то взглядом, на нем был строгий костюм, светлая рубашка и галстук, мальчишки из ее школы так не одевались, да и на ученика он не был похож. Незнакомец подозвал заводилу и балагура Сашку, о чем-то с ним переговорил и направился к группе, которая стояла в центре зала. Татьяна замерла, когда он подошел к ней и пригласил на танец, от волнения она даже не могла посмотреть ему в глаза. У него было княжеское имя — Владимир, которое стало магическим для нее. С этого дня они больше не расставались. После школьного вечера еще долго бродили по ночному городу. Владимир был предупредительно вежлив, обходителен и только. Татьяна еще никогда не влюблялась.

Она росла слабым и больным ребенком и поэтому учиться пошла с восьми лет, к тому же во втором классе пролежала в больнице целую четверть и осталась на второй год. В общем, в школе все мальчишки, были младше ее, а искать кого-то просто не было времени. Понимала, что в положении переростка, только отличные знания могли заработать ей авторитет. Татьяна учила уроки днем и ночью и стала лучшей ученицей в классе и первой комсомолкой, а когда ее выбрали комсоргом школы, то авторитет девушки стал непререкаемым.

Владимир оказался студентом последнего курса химико-технологического института. Весь 10 «б» жужжал от восторга, когда он рассказывал о своей студенческой жизни. Татьяна гордилась Владимиром. Она любила его без оглядки, без памяти и, казалось, до безумия.

Мелкая дрожь пробежала по телу женщины, когда она вспомнила первое прикосновение их рук, губ и тел.

А на экране появилось новое сообщение. «Родная моя, не молчи!» — просил мужчина на другом конце света. Она закрыла глаза, чтобы успокоить сердце, но ничего не получалось: оно предательски рвалось к нему. В памяти всплывали картины счастливых дней, когда они были вместе. Рядом с Владимиром Татьяна ничего не боялась. Ее чувства были такими сильными, что, если бы он захотел, она, не задумываясь, прыгнула в огонь, в омут, в пропасть. Так и получилось, девушка с головой бросилась в водоворот любви. День без него был мукой для нее. Как только они расставались, с этой же минуты она начинала ждать новой встречи, а если Владимир был занят дипломной работой и не мог прийти к ней на свидание, то, забыв обо всем, она бежала к нему и часами стояла в соседнем подъезде и ждала. «Должен же человек хоть когда-нибудь выйти на улицу», — твердила она. В такие дни, время для нее теряло измерение, Татьяна могла стоять с утра до вечера, лишь бы увидеть его лицо, которое стало иконой для нее. Это была самая настоящая и единственная любовь в жизни девушки. Таких сильных чувств к мужчине она не испытывала больше никогда. «И, если правда, что кто-то там свыше правит нашей судьбой, то спасибо Ему. Спасибо за то, что не обделил меня любовью. Спасибо за бессонные ночи, за слезы в подушку, за страдания. Спасибо, что снова вернул мне его», — вырвалось из глубины сердца женщины.

Тогда, в юности, она не смогла обуздать свои чувства, они росли с каждым днем, овладевая ее душой, умом и телом. Татьяна не принадлежала уже себе. Он жил в мыслях, в сердце, в каждой капельке ее крови, в каждой клеточке. Он был ее утром, ее — солнцем, ее — воздухом. Все в ней принадлежало только ему.

Но настал день расставания. После окончания института Владимира направили на работу в Павлодар. Девушка не могла понять, почему они должны расстаться, как она будет жить, не видя его лица, не чувствуя его прикосновений, от которых у нее перехватывало дыхание и что-то сладко разливалось по всему телу. В этот момент Татьяна растворялась в нем и не могла понять, где кончался он и начиналась она, они были одно целое. Наивная девушка верила, что так будет всегда, что нет силы, которая сможет разлучить их. Она любила его заоблачно, он — по-земному.

Владимир был первым мужчиной в ее жизни, ее первым горьким опытом. «А почему горьким?» — спросите вы. Да потому, что он оставил девушку, любившую его до исступления, для которой расставание с ним — это катастрофа чувств, эмоциональный стресс, это физическая смерть. Владимир, без которого жизнь для Татьяны теряла смысл, улетел далеко-далеко.

Она хорошо запомнила этот день. Как обезумевшая, девушка ходила за ним по аэропорту. На ней было нарядное платье. Владимир посмотрел и спросил:

— Ты зачем так разоделась? Рада, что я уезжаю?

— Не говори так, любимый, — она попыталась закрыть ему рот рукой.

— Для тебя это праздник? — не унимался парень. Было явно видно, что он нервничал, потому что не мог остаться.

— Не оставляй меня, возьми с тобой, — всхлипывала девушка.

— Я скоро приеду, — пытался успокоить ее Владимир.

— Разлука убьет меня, останься!

— Будет трудно, девочка моя, но ты жди.

— Не буду ждать, — уже рыдала она.

— Повтори! Ты что сказала! Повтори!

— Не буду ждать,— повторила Татьяна.

— Ну почему? — он тряс ее за плечи, целовал волосы, глаза, губы.

— Я просто умру без тебя, не оставляй меня! — девушка посмотрела на него умоляющим взглядом и стала проваливаться куда-то в пространство. Сознание не хотело понимать, что происходит, оно покинуло ее. Татьяну подхватил отец Владимира.

Она очнулась, когда ее любимый уже шел к трапу самолета. Откуда у этой хрупкой девушки хватило сил, чтобы прорваться через всех и вся? Люди опешили, когда увидели, как, скинув туфли, промчалась по аэродрому худенькая девчонка в красивом платье, обхватывающим ее стройную фигуру, волосы у нее развевались на ветру от скорости бега. В этот момент она была похожа на тайфун, нет, на цунами, которое невозможно остановить, а навстречу ей, отделившись от толпы, спешил молодой человек. Девушка, споткнувшись, со всего маху упала на бетон, два раза перевернулась, поднялась на колени и увидела его лицо. Он опустился рядом, и еще некоторое время они стояли, обнявшись.

— Ну что ты творишь, Танча моя?

— Забери меня, любимый мой, не оставляй одну! Я умру от тоски,— быстро говорила она, боясь, что его отнимут у нее.— Почему, для чего мы должны расстаться?

Но он улетел, а она — осталась... Осталась один на один со своей любовью, мыслями, чувствами и переживаниями. У нее не было никакого опыта, ее никто не научил ждать. Татьяна не понимала: зачем ждать, почему ждать, как ждать? Страдания разъедали ее душу. Девушка медленно сходила с ума от чувств, переполнявших сердце. Она писала ему, что с каждым днем ее любовь все растет и растет и скоро разорвет ее изнутри. Поверяла бумаге, что ни о чем не может думать, что все мысли, тело и душа наполнена только им. «Ты — везде, ты — во всем. Я не могу жить без тебя, нет, я не хочу жить без тебя. Я болею любовью к тебе. Родной мой, забери меня, я медленно умираю без твоих слов, поцелуев и прикосновений», — заканчивая одно письмо, девушка начинала писать следующее. Владимир отвечал ей, что любовь — это не болезнь, а состояние души. Тогда она не могла возразить ему — он был намного старше ее и опытнее.

«Но сегодня,— подумала женщина,— когда прошло столько времени, я готова поспорить с ним, и убедить его, что любовь — это болезнь души. Болезнь, которая выматывает человека, делает его слабым и беззащитным. Сначала эта болезнь имеет легкую форму влюбленности, когда овладевает только твоими мыслями, потом незаметно входит в сердце. Здесь бы задуматься, остановить проникновение болезни в душу. В этот период она не так страшна, можно еще излечиться. Вот вторая стадия болезни под названием «страсть», куда страшнее первой — «влюбленности». Здесь она парализует волю, ты уже не можешь ей сопротивляться, становишься безвольным и слабым. Страсть подчиняет себе, и ты совершаешь безрассудные поступки. С ней трудно бороться, она делает тебя уязвимым, ты не живешь уже по своим принципам, а следуешь страсти. Она одним дает крылья и уносит в страну блаженства и грез, а других смерчем поднимает ввысь и бросает в бездну. Затем страсть или проходит, или перерастает в любовь. Хорошо, если любовь взаимная, а вдруг — безответная? Если страсть проходит, тогда ты выздоравливаешь, и душа твоя не болит, она отдыхает. И когда через некоторое время встретишь того самого, которого, казалось, любила, то посмотришь на него прозревшими глазами и не сможешь понять, как ты могла из-за него не спать ночами, страдать, плакать. Заметишь, что он ничем не выделяется среди остальных твоих знакомых, и ты забудешь его навсегда. А вот если любовь безответная, то она перейдет в хроническую болезнь и затаится в укромном уголке твоей души. И сколько бы ни прошло времени, любовь при каждом удобном случае будет напоминать о себе. Она предательски кольнет тебя в сердце, когда ты просто услышишь его имя или увидишь скамейку, на которой сидели вместе. Такая любовь не оставит тебя никогда. Она умрет вместе с телом».

Это теперь Татьяна могла так рассуждать, а тогда она была глупой и неопытной девчонкой, которая полюбила впервые в жизни, полюбила возвышенно, глубоко и навсегда. Женщина медленно перевела взгляд на экран и прочитала новое сообщение: «Любимая моя! Только теперь я понял, что ты была единственной моей настоящей любовью». «Как поздно ты понял»,— вздохнула она.

Татьяна снова вспомнила тот день, когда возвращалась с его родителями из аэропорта домой, мама Владимира постоянно делала ей замечания, чтобы она не ревела, как за покойником, но слезы сами катились и катились по щекам. Им же не прикажешь. Интересно, сколько слез может выплакать человек? Тогда ей казалось, что они не кончатся никогда. Девушка не могла остановиться. Отец Владимира вытирал ее слезы платком, а мама закрывала ей изодранные колени испачканным платьем. Татьяна никого не видела и ничего не чувствовала, она оказалась между небом и землей. В мечтах девушки Владимир был рядом с ней, вот он приблизился к ней, впервые обнял ее, посмотрел в зеленые глаза и поцеловал, что-то приятно перевернулось у нее внутри, она запрокинула голову, которая почему-то кружилась, и закрыла глаза. Ей не хватало воздуха, объятия душили ее, а он все целовал и целовал, не выпуская девушку из рук. Уже было поздно, но Татьяна не хотела идти домой, она жаждала поцелуев, чмокая его в глаза, в щеки, в губы.

— Танча моя, ты даже не умеешь целоваться,— улыбаясь, говорил Владимир.

— Научи, научи,— требовала девушка, осыпая его детскими поцелуями.

Для нее было все впервые — первое прикосновение рук, от которого пронизывало током и мурашки пробегали по всему телу; первые ласки и объятия, от которых все дрожало внутри и что-то опускалось вниз и жило там, требуя своего выхода; первый поцелуй, от которого кружилась голова.

Это случилось рано утром, когда солнце медленно и плавно вытесняло ночь, когда вся природа радовалась новому дню. Где-то в это время родился новый человек, как и она восемнадцать лет назад.

— С днем рождения, девочка моя,— сквозь дрему услышала Татьяна.

— Любимый,— это ты, это не сон,— она потянулась, чтобы обнять его, и простыня соскользнула, обнажив ее груди, которые не знали ласки и притягивали к себе. От ее тела веяло свежестью и чистотой, оно манило и звало.

— Танча, какая ты красивая! — от неожиданности произнес Владимир.

— Ой! — вскрикнула девушка и хотела прикрыться рукой.

— Не закрывайся,— остановил ее движение Владимир.— Скажи, ты любишь меня?

— Да. Я сто тысяч раз говорила тебе это.

— Нет, скажи еще,— требовал он.

— Я люблю тебя, я люблю тебя, я...

Она закрыла глаза и скинула с себя простыню.

— Что ты со мной делаешь, глупая?

— Я люб-лю те-бя! — девушка откинулась на подушки и замерла.

Владимир больше не мог сдерживать свою страсть. Он стал осыпать Татьяну поцелуями, долгими и жадными. Его руки судорожно ласкали упругие груди, которые наливались сладостью и нетерпением. Владимир чувствовал, как от его прикосновения вздрагивает ее тело, как оно поддается его натиску и, наконец, Татьяна отдалась ему. Она не понимала, что с ней происходит, почему ей одновременно и больно, и сладко, вдруг то, что постоянно опускалось вниз и искало выход, сконцентрировалось, замерло и разлилось по всему телу фантастическим нектаром любви. Владимир уловил этот миг и больше, не сдерживая своих желаний, овладел ею сильно и страстно. «Танча, девочка моя, хорошая моя, красивая»,— в такт вырывалось из глубины души мужчины, и он почувствовал, как его тело соединилось с ее и стало одним большим счастьем.

А теперь ее любимый улетел, и потянулись мучительные дни ожидания. Его не было долго-долго, или ей казалось, что долго. Татьяна уже училась в педагогическом училище, а Владимир жил и работал далеко от нее. Однажды девушка решила пойти в гости к его родителям. Папа был у него очень милым человеком, но в семье последнее слово было за мамой. Она встретила Татьяну у порога, проводила на кухню, напоила чаем, они о чем-то поговорили и все. Больше девушка не приходила в этот дом, там не было того, кого она так сильно любила.

Но он не женился на ней, а зачем ему было жениться, она и так была вся его. Их отношения длились уже три года. Девушка ждала, когда же он сделает ей предложение. Однажды Татьяна сама начала разговор о том, что хочет маленькое живое чудо, похожее на любимого, пусть это будет мальчик или девочка, но Владимир уклонился от ответа и больше никогда не заводил разговор на эту тему. Эта неопределенность мучила ее.

«Дал хотя бы надежду. Попросил бы подождать. Объяснился бы, в конце концов. И я бы ждала столько, сколько было надо. Ждала бы всю жизнь», — сказала женщина мужчине, который смотрел на нее с экраном.

Но время неумолимо шло, и взрослеющая Татьяна поняла, что Владимир никогда не женится на ней. Вскоре она вышла замуж за соседского парнишку, который окончил Ленинградское военное училище. Он давно любил Татьяну и не скрывал своих чувств. Молодой лейтенант сразу увез свою жену из города, где осталась ее любовь.

На сайте снова появилось сообщение: «Танча, не молчи, я до сих пор люблю тебя!» — писал тот далекий и такой близкий ей человек, которого она любила. Сердце заволновалось в груди, голова пошла кругом, душа затрепетала, потом оторвалась и полетела через годы к нему. Их души встретились, слились, и она почувствовала, как в этот миг его сердце бьется рядом с ее изболевшим сердечком. «Какое счастье, что наши души свободны», — подумала она.

Татьяна с трудом взяла себя в руки, машинально пошла в спальню, нашла заветную шкатулку, открыла ее и увидела там его письма, билеты в театр, несколько фотографий и коробочку из-под духов «Рококо». Сложила все в пакет, вынесла во двор и развела огонь. Пока пламя делало свое дело, Татьяна подумала о том, что надо бы стереть из памяти компьютера и его слова, и фотографии. «А как стереть из моей памяти его глаза, губы, руки, — она перевела дыхание, — как заставить сердце не любить, не болеть, не биться?»

— Бабуля! — послышался голос внука. — Ты, что тут пожар устроила? Уже все сели за стол и ждут только тебя.

— Иду, иду! — ответила статная женщина, украдкой смахнув непрошеную слезу. Татьяна походкой королевы вошла в дом, гордо подняв голову, и увидела за праздничным столом своих любимых двух дочерей с мужьями, внука и внучку, а во главе — мужа в кителе с наградами на груди, которые он получил в «горячих точках». Только по особо торжественным дням он надевал парадную форму, а сегодня именно такой случай и есть — тридцать пять лет их совместной жизни. Татьяна села рядом с полковником, как и подобает офицерской жене. Муж нежно взял ее руку, заглянул в глаза и спросил:

— Мой генерал, мой любимый генерал, что с тобой?

— Уже все в порядке, родной, — уверенно сказала жена.

И вдруг грянуло дружное: «Горько!!!» Они поцеловались, Татьяна закрыла глаза, и что-то незнакомое почувствовала в этом поцелуе. Ее рука так и осталась в его руке.

Может быть, это и есть счастье? А кто знает, что такое счастье...

Валерий Гальперин
(г. Тула)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Полковник внутренней службы в отставке. Проходил службу в органах МВД и Минюста России. Редактор отдела Ежемесячного общественно-политического и научно-методического пенитенциарного журнала «Преступление и наказание» Министерства юстиции Российской Федерации.

Поэт и прозаик. Победитель конкурса «Тульский пряник» (2006 г.), Лауреат всероссийского конкурса авторской песни «Пою тебе Россия» (2010 г.)

Старуха шла по узкой тропинке, протоптанной в глубоком снегу. Спускаясь по склону оврага, на дне которого протекал неглубокий ручей, имеющий громкое и довольно поэтичное название Шиворонь, она помогала своим старческим неустойчивым ногам, опираясь на палку. Ветер рвал поношенный шалевый платок, подвязанный ниже подбородка, потому ей часто приходилось останавливаться, поправлять его и повыше поднимать каракулевый потертый воротник старенького пальто.

Преодолев нелегкий спуск, старуха перешла Шиворонь по деревянному, скользкому от снежного наката, мостку и начала не менее нелегкий подъем. Осторожно ступая по тропке, женщина, несмотря на одолевающие ее мысли, уже в который раз оглядывала окрестности, поражаясь убогой обветшалости современной деревни. Справа от нее лежали руины свинарника бывшего колхоза «Октябрьское Знамя», гремящего когда-то не только в районе, но и в области своими достижениями в производстве молока и мяса. А сегодня от былой славы остались лишь скелеты корпусов с провалившимися крышами да с пустыми глазницами окон. Местами и стены были разобраны по кирпичику хозяйственными соседями да московскими дачниками, купившими деревенские дома за гроши и использовавшими дармовой строительный материал для личных нужд.

Овраг, через который перебралась старуха, разделял две деревни, Суханку и Торбово. Первая, нависая над оврагом, состояла из двух десятков домов и односторонней улицы. Да и в домах тех проживало семей восемьдесят, если можно назвать семьями стариков и старух, доживающих свой нелегкий век. Вторая, Торбово, была покрупнее, домов эдак, в пятьдесят-шестьдесят. И людишек в ней водилось поболее и помоложе. Только вот молодежь работала или в райцентре на едва дышащих заводах, или в Москву ездила на стройки, а потому неделями, а то и месяцами дома не жила.

Уцелел в Торбове клуб, оставшийся от времен развитого социализма, только наполовину, правда. Кинозал арендовал под свои складские нужды местный кулак, современным языком называющий себя предпринимателем, Колька Бочаров, а холл и библиотека остались за клубом. В холле стоял теннисный стол, видеодвойка «Сони», диван и два кресла. Здесь и проводили долгие зимние вечера деревенские подростки, гонявшие по столу пластиковый шарик под звуки современной попсы, доносившиеся

из видака, на экране которого извивались как в наркотической ломке афроамериканцы. Библиотекой пользовалась лишь Мария Федоровна, бессменный горбовский завклуб с сорокалетним трудовым стажем. Да и то, по старости годов, библиотека служила ей то ли кабинетом, то ли комнатой отдыха, где она, если не вязала на спицах внукам носки, то тихонечко дремала, сидя в глубоком кресле, выполненном под гарнитур «Людовика XIV», неизвестно откуда попавшего в эту глухомань. А что ей еще было делать? Не плясать же брейк с деревенскими пацанами, которые имели больше пристрастий к вредным привычкам, нежели к чтению.

Работал в Торбове и магазин, с яркой вывеской над входом, а с левого его «борта» местным юным художником аэрозолевыми красками было начертано в стиле граффити иностранное слово «БУТИК», хотя и русскими буквами. В сельском бутике было все, что нужно для жизни: от иголок и ниток до китайских джинсов и кроссовок. Продуктовый же прилавок блистал импортными упаковками не хуже столичных супермаркетов. Магазин приносил неплохую прибыль Зойке Голубихе, бывшей его заведующей, а ныне законной и единоличной хозяйке, прибравшей его к рукам во времена великой чубайсовской приватизации, и имел большую популярность в округе, потому что удовлетворял запросы не только жителей Суханки и Торбово, но и еще трех ближних деревень. Предприимчивая Зойка привлекала селян не одним лишь товарным изобилием, а, поставив в зале два столика-стойки, по просьбе «трудящихся» и за отдельную плату угощала посетителей чаем в пакетиках, заваривая его из пластмассового электрочайника, что в зимние холода было очень кстати. Так что бабы, приходившие в магазин за нехитрыми покупками, подолгу задерживались в зале, как говорится за чашкой чая, судача о местных новостях, споря о путинской монетизации льгот и о все ускоряющемся росте ВВП, наивно полагая, что наш президент скоро сменит хобби и, достигнув определенного необходимого роста, забросит дзюдо и займется баскетболом. Не забывала Голубиха и мужиков, продавая из-под прилавка водку в розлив и маскируя «национальный русский» продукт в те же пластиковые стаканчики, в коих подавала чай. Только курить не разрешала, выгоняла дымочадов на улицу. Но от этого популярность Зойкиного «супермаркета» не падала.

* * *

Старуха выбралась на торбовскую сторону оврага, остановилась, переводя дух. В который раз подзатянула узел платка, приподняла воротник, зябко передернув плечами. Огляделась. Дома утопали в глубоком снегу, покосившиеся загородки торчали из белоснежных сугробов, как зубья старой шерботой почерневшей от времени гигантской расчески, случайно оброненной проходившим мимо великаном. Над крышами домов нависали тяжелые тучи, но снегопада не было.

«Наверное, метель будет,— подумала старуха,— все к тому идет, и тучи снеговые, и ветер поднялся. Успеть бы до пурги из магазина вернуться».— Подумала и заковыляла дальше.

По торбовской слободе идти было легче. Колька Бочаров приказал трактористу Витьку Свистуну (известному в деревне больше как Свисток) прочистить дорогу. Не из особой, конечно, любви к селянам приказал кулак, а больше для облегчения движения своего личного транспорта. Однако выдавал это как заботу о народе.

Вот и магазин. Старуха поднялась по ступенькам, потянула на себя за ручку тяжелую железную дверь, вошла внутрь, впустив за собой белые клубы пара, поздоровалась с хозяйкой и посетителями заведения.

— Здравствуй, Зоя,— обратилась старуха к продавщице.— Здравствуйте,— поздоровалась с тремя бабами, прихлебывавшими чаек за одноногим столиком.

— День добрый, Таисья Семеновна,— отозвалась Голубиха,— чайку с морозца?

Таисья Семеновна, поставив палку у входа, на секунду прикрыла глаза, свободной рукой ослабила узел платка.

— Что ж, налей, пожалуй,— подошла к продуктовой витрине и, пока Зойка хлопотала над чайником, стала изучать через стекло наличный ассортимент.

За столиком судачили бабы, то шушукались о чем-то по секрету, то хохотали над чем-то. Но Таисья Семеновна не слышала, стояла в раздумье, прикидывала, что можно прикупить вкусенького на остатки от полученной третьего дня пенсии.

«Сервелат «Московский» Микояновского мясокомбината, салями «Останкино».— читала про себя ценники посетительница,— Господи! — подумала.— Какие названия родные! Останкино, Царицино. Север и юг Москвы. Арбат — центр. Марьино — юго-восток, а Крылатское — запад. Боже, как вчера это было. А мой родной Ленинградский проспект!..»

— Что с вами, Таисья Семеновна? — тронула за плечо старуху Зойка. Та вздрогнула и вдруг почувствовала, что по щеке бежит неожиданная слеза.

— Ох, извини, Зоя,— промолвила Таисья Семеновна, смахнув слезинку краешком платка,— задумалась о своем, воспоминания терзают. Готов чаек? — взяла двумя пальцами горячий стаканчик.— Спасибо, Зоенька,— и направилась к столику, где расположились деревенские бабы.

— Можно к вам присоединиться? — обратилась Таисья Семеновна к товаркам по столику, по всему виду, не ограничившимся одним чаем, а принявшим на манер своих мужиков по пять капель для сугреву.

— Конечно, конечно,— загалдели бабы,— присоединяйтесь. Что-то давненько не захаживали?

— Прибаливала малость,— отозвалась Таисья Семеновна,— да и холодно гулять. Лежу на диване в своей халупе и считаю кирпичи.

— Какие кирпичи? — не поняла одна из собеседниц, Карасиха, баба лет под шестьдесят, но дородная, гладколицая, румяная. Про таких говорят «кровь с молоком».

— Да штукатурка на стене отвалилась, кирпичи и обнажились,— улыбнулась новая собеседница,— да интересные такие, все, почему-то, разноцветные. Красный — верхний, ниже — желтый, следующий — черный, затем — фиолетовый, снова — красный и белый, и восьмой опять черный. Вот такая «радуга» в моем домишке. Хочется порой взять, ободрать штукатурку до самого пола и посмотреть, какого цвета остальные кирпичи.

Бабы заулыбались шутке, но улыбки получились грустные, вымученные. Зная судьбу Таисьи Семеновны Семиной, за глаза прозванной «москвичкой», понимали, что бедной женщине, у которой в доме даже телевизор не работает, а служит тумбочкой под цветы, только и остается холодными вечерами, что считать на стене кирпичи.

— Может, капелюшку? — предложила старухе краснощекая Карасиха, приоткрыв хозяйственную сумку, из чрева которой выглянула золотистая винтовая пробка водочной бутылки.

— Да нет, девоньки, спасибо,— улыбнулась Таисья Семеновна.— Я чайку выпью, согреюсь. А завтра приходите ко мне в гости, если не брезгуете. День рождения у меня. Юбилей. Семьдесят пять годков раба Божия Таисья на свете живет. Придете?

Бабы замаялись. Хоть и с недавних пор Семина в Суханке живет, а вроде как в подругах не числится. Живет бедно, на пенсионные копейки и картошку с огорода. Хоть и день рождения, а объедать да опивать бабку стыдно.

Таисья Семеновна, видя замешательство, улыбнулась:

— Вы, милые мои, не стесняйтесь, приходите. Посидим, закусим, поболтаем. Мне ведь совсем одиноко, редко, кто заходит. А завтра повод все ж таки. Приходите, ждать буду,— и, сделав последний глоток уже остывшего прилаженного чая, отошла к прилавку.

Еще раз, взглянув на витрину, Таисья Семеновна сделала заказ: небольшую палочку микоянского сервелата, триста граммов пошехонского сырку и столько паштета на бутерброды, яиц десяток и пару свежих огурчиков. Венцом покупки были бутылка водки «Исток» и бутылка — «Мадеры». Заказывая «Мадеру», подумала с удовольствием: «Вкусное винцо, не зря сам Распутин его обожал».

Зойка шустрила у прилавка, укладывая продукты в пакет и подсчитывая на калькуляторе сумму, а старуха невольно прислушалась к женскому разговору за столом, от которого отошла пять минут назад. Говорила, правда, одна Карасиха, остальные слушали.

— Представляете, бабы, анекдот! Вчерась прихожу после обеда домой, а у мово Карася гости, Ванька Зыба и Степан Сердюченков. Чинно сидят, выпивают, разговоры разговаривают. Меня пригласили, ну присела. Да только вижу — хорошие мужички, с трудом лыка вяжут, — Карасиха хмыкнула, сверкнула живыми глазками, продолжила. — Гляжу, как шпроты открывали, так масло на клеенку и разлили. Ну, беру, значит, тряпицу, вытираю, чтоб чисто было, не в хлеву ведь. Тут и рюмки наполнили, махнули. Опять разговоры разные. А мой Карась, черт слепой, сымает очки, да тряпицей той начинает стекляшки свои протирать. Протер и на нос-то и напялил. Сидит, башкой крутит, а потом вдруг как заорет: «Мужики, водка-то у Зойки, стервы паленая! Не вижу ничего, зрение упало!» А мы, когда врубились что к чему, так на пол от смеха и повалились.

Все присутствующие дружно загоготали, улыбнулась и Таисья Семеновна. Зойка, оправившись от смеха, спросила:

— Семеновна, а хлеб брать будешь?

— Конечно, — спохватилась последняя, — буханку черною и батон длинный.

Расплатилась. Взяла в одну руку тяжелую сумку, в другую — палку. Уходит из теплого помещения не хотелось, но надо. Попрощалась и вышла из магазина в пасмурный холодный февральский день.

* * *

«Вроде бы все, — подумала Семеновна, оглядевшись, — продукты в холодильнике, в комнате прибрала, можно и отдохнуть». Еще раз окинула взглядом комнату, все на месте: просиженный диван, над которым прибит старенький ковер, такой же старый шифоньер с пожитками, рядом сервант с треснувшим зеркалом и неработающим самоваром, между двумя окошками, завешенными простеньким тюлем, тумбочка с телевизором «Рекорд», на котором зеленеет сочными листьями столетник, под потолком закопченный пластмассовый плафон с выцветшим узором по краю, а посредине комнаты старинный раздвижной стол, накрытый скатертью. Завтра она наготовит закуску и отпразднует свой юбилей. Винца выпьет. А бабы пусть водку пьют, они помоложе, покрепче.

«Стульев, правда, маловато, всего два, — посетовала старуха. — Ну ничего, мы стол к дивану придвинем и усядемся». Подумав так, Семеновна довольно успокоилась, прилегла на диван, не раздеваясь. Взгляд вновь уперся в разноцветные кирпичи, и сразу нахлынули тяжелые мысли и воспоминания.

«Как же так получилось. — размышляла старуха. — что сын мой, Вадик, негодяем вырос?» Недоумевала Таисья Семеновна, отчего тот, в кого она вложила все свои силы, всю любовь, всю душу, мог так с ней поступить, так наказать ее на старости лет! Чем прогневала она Бога? За что Всевышний так ее наказывает?

Вспомнился муж покойный, Василий Петрович. Как познакомились в парке Горького, куда она пришла с подружками отметить пятилетие Великой Победы. Как он, Василий, из всех девчонок выбрал ее, двадцатилетнюю Таську. пригласил танце-

вать и увел на зависть подружкам. Высокий, широкоплечий, в новом костюме, увешенном медалями... Завидный жених, хоть и постарше Таськи на восемь лет.

Через два месяца поженились. Василию комнату в коммуналке дали, в двухэтажном бараке. Он и сейчас цел еще, у станции «Водный стадион». Контора в нем какая-то. А Таська до этого в центре жила, с родителями в маленькой двухкомнатной квартире в пятиэтажке, что по Спиридоньевскому переулку. Говорят, в этом доме некогда сам Маяковский проживал.

Хорошо жили они с Васей, да вот детей бог не давал. Совсем уже надежду потеряли, как вдруг на сороковом году жизни Таисья понесла. Врачи предупреждали, первые роды в таком возрасте — опасно. Но она решила — будь что будет. И все обошлось. Сынок родился, Вадиком назвали. Уж как радовались, как холили да лелеяли. Только Вася, муж ее всего девять лет сына воспитывал. Шофером он работал, и, как порой бывает, в аварию попал, машину разбил, хоть и не по своей вине. При аварии шибко грудью о руль ударился, и все бы ничего, да осколок, еще с войны сидевший, какую-то вену от удара внутри повредил. Не спасли врачи. Одно хорошо, что успел муж квартиру получить новую, на Ленинградском шоссе, двухкомнатную. Их, квартиры эти, нынче «хрущевками» называют, а после коммуналки для Семиных она хоромами казалась.

«Красный, желтый, черный, фиолетовый. Господи! — Таисья Семеновна поймала себя на мысли, что вновь считает кирпичи. Села на диване, поежилась. — Как-то прохладно в доме стало...» Подумав, встала, подошла к батарее отопления, пощупала рукой. — «Прохладная»... Вспомнила, что, уходя днем в магазин, убавляла газ в котле АГВ. Вышла в кухню, нащупала выключатель и, подойдя к АГВ, подвинула рычажок в сторону. В горелке пламя заиграло лазурным огоньком. Она некоторое время смотрела на огонь, затем подошла к газовой плите и зажгла все четыре конфорки, постояла в раздумье, выключила плиту и вернулась в комнату. Прилегла на диван, прикрыв глаза.

«Когда же я его проглядела? — с новой силой закружились в голове воспоминания. И добрым, вроде мальчишка был и не злобный. В десятом классе, правда, в милицию попал за куртку, что в машине украсть пытался. Но ведь обошлось же! И школа заступилась, и следователь пожалел, так как куртку в магазин вернули и претензий от дирекции не было. Думала, этот случай уроком послужит».

Все оказалось хуже. В девяностом году из армии вернулся. Красавец, весь в отца, а работать не захотел. Пропадал вечерами. Однажды пришел весь избитый.

Перепугалась Таисья Семеновна, а Вадим объяснил, из-за девушки, мол. Не мог оставить ее наедине с хулиганами, вот и получил. Месяца через два друзья привели его вновь избитого. Отмолчался, на вопросы матери лишь отмахивался. А однажды пришел и говорит, что задолжал две тысячи, проиграл в карты и если завтра не вернет, то ему башку снесут. Знал, стервец, что есть у матери некоторые сбережения (именно эти две тысячи). Пожалела сыночка, отдала.

«И женушка ему попалась подстать, — с горечью вспомнила Таисья Семеновна. — Вместе меня разорили и в этот медвежий угол загнали. Не протяну я здесь долго, в этой халупе. А как окрутили они меня ловко. На внука взяли».

Женился Вадик в девяносто шестом на Аллочке. Скромная такая девочка из Пензы. Прописали ее у мамы, а через год сынок родился, Илюшка. И все бы хорошо, да только не хотят работать ни Вадик, ни Аллочка, Аленушка (как Вадик ее называет). Сидят на материнской шее. А сын так и продолжает играть. Порой даже деньги приносит, пиры дома закатывает, иногда пропадает, в бега подается от карточных долгов. Так семь лет прожили. А прошлой весной Вадик просит мать пожить с внуком на даче, в деревне. Снял, мол, чтоб мальчонка перед школой сил набрался, вольным воздухом подышат. Уговорил. Уехала Таисья Семеновна в Суханку с Илюшкой. По-

началу и самой нравилось в деревне. Май, сады цветут, медовый аромат в воздухе витает. Да в июле приезжает сынок со снохой и огорошил мать с порога. Квартиру, мол, продал за долги, и жить они теперь будут вместе в этом доме, купленном на ее имя еще в апреле. И документ на дом показывает. Таисья Семеновна так и села. Ну ладно, продал квартиру, а вещи? Голая да босая осталась мать. Он на колени встал, прощения просит, обещает на работу устроиться. Устроился рабочим на кирпичный завод, деньги в дом стал приносить, небольшие, правда, но на жизнь хватало. И Алла в райцентре пристроилась, на рынке тряпки продавала.

Так пять месяцев жили. Вдруг заметила Таисья Семеновна, что вновь детки ку-тят, деньгами сорят. Поинтересовалась, откуда доход. Алла успокоила, мол, мама ее из Пензы прислала. А в начале декабря засобирались ребяташки на родину жены, и, как ни уговаривала невестку свекровь, ни в какую. Что ж, уехали. Осталась старушка одна коротать свой век. Поначалу вновь испугалась, что сынок и это ее жилище «толкнул», но, справившись в сельсовете, успокоилась. Дом оформлен на нее по всем правилам.

Новый год встречала в одиночестве, смотрела по телевизору «голубой огонек». Старенький «Рекорд» еще работал, хоть и транслировал всего два канала. А пятого января в дверь постучали. Пришел парень, работавший вместе с Вадимом на кирпичном заводе и поинтересовался у матери, где находится ее сын, пояснив, что Вадим в ноябре взял в банке ссуду в размере шестидесяти тысяч рублей, предварительно уговорив его, Александра (так звали гостя), быть по ссуде поручителем. Но так как Вадим не сделал ни одного взноса по кредиту, банк выставил счет Александру.

Что могла ответить молодому человеку старая женщина? Лишь выразила сожаление и, объяснив свое положение на этой земле, сказала, что ничем помочь ему не может.

К концу января к старушке, измотанной сыном и переживаниями, прибыл сотрудник службы безопасности банка и начал требовать с нее вначале сыновий долг, затем адрес непутевого ее отпрыска, угрожал судом и всеми ужасами ада, даже дом обещал поджечь.

— Поджигай,— согласилась Таисья Семеновна.— Только сначала не забудь меня убить и в землю закопать, чтоб не мучилась.

Так и уехал банковский служащий восвояси, ничего не добившись. Да и чего он мог добиться от нищей старухи? Не убивать же, действительно, ее в конце концов!

* * *

Солнечный лучик пробился в подслеповатое окошко, рассеиваясь сквозь тюлевую занавеску. Таисья Семеновна вздрогнула, проснулась. «Господи, проспала,— быстро поднялась, но успокоилась, взглянув на дешевые настенные часы.— Девять. Это хорошо, успею к приходу гостей». И поспешила в кухню. Умылась из-под крана, поставила на плиту чайник и принялась хлопотать.

Для начала начистила картошки в небольшую алюминиевую кастрюльку. Задумалась, как лучше приготовить: сварить целиком, чтобы подать ее, дымящуюся, на стол, предварительно посыпав сверху обжаренным на масле лучком, или сделать пюре. Вспомнив, что в доме нет молока для приготовления пюре, остановилась на первом варианте. Старалась хозяйка отметить юбилей, аккуратно раскладывала по тарелкам нарезку из колбасы, сыра и буженины, украсила припасенными загодя маринованными оливками. Грибочки, китайские шампиньоны, откинула на сито, дала стечь рассолу, приправила мелко нарезанным луком и подсолнечным маслом. Селедку, предварительно почистив и отделив от костей, разложила янтарными дольками в селеднице и сбрызнула уксусом. Нарезав батон-багет аккуратными кружочками, обжарила каждый с одной стороны на растительном масле и намазала

золотистые гренки печеночным паштетом, соорудив аппетитные бутерброды. Кольцами нашинковала огурцы.

Стол в центре комнаты заполнялся закусками по мере их приготовления. Таисья Семеновна вновь взглянула на часы. «Половина первого, успею»,— отметила про себя и поставила на плиту варить яйца, чтобы через двадцать минут они красовались на блюде разрезанные пополам, заполненные смесью желтка с чесночком и политые майонезом.

— Вот теперь все готово, можно гостей принимать,— вслух произнесла хозяйка, поставив в центр стола бутылки с водкой и вином, купленными накануне в деревенском «бутике».

В приподнятом настроении Таисья Семеновна подошла к шифоньеру, переделалась в выходное платье, привезенное еще в прошлом году из Москвы, когда ехала с внуком на «дачу». Подумав, надела дешевые бусы и летние туфли на сплошной подошве. Открыв вторую дверь шифоньера, на которой было прикреплено зеркало, начала причешиваться, водя расческой по жидким волосам и рассматривая себя в зеркало.

«Старуха. Конечно, старуха!» — как будто впервые увидев свое отражение, констатировала Семина.— «А впрочем, конечно впервые, в семьдесят пять лет. Еще вчера семьдесят четыре было, а сегодня...» На хозяйку дома из зеркального стекла смотрела старая женщина с лицом, изборожденным морщинами, с редкими седыми прядями, из которых она пыталась сделать подобие прически, с пожелтевшими, а местами отсутствующими, зубами.

— Да,— только и смогла произнести Таисья Семеновна, и захлопнула дверцы шкафа.

Вновь посмотрела на часы. Без двух минут три. «Говорили вроде к двум придут,— мысленно отметила Семеновна,— что-то задерживаются». Снова подошла к столу, оглядела закуски, поправила тарелки, критически оглядела, повертев в руках граненый стограммовый стаканчик, посмотрела сквозь стаканное стекло на свет и, убедившись, что он достаточно чист, поставила на место. Затем приподняла подушку, которой накрыла предусмотрительно алюминиевую кастрюльку с вареной картошкой, протянула руку: «Горячая!» — и вновь поплотнее накрыла.

«Дал же Бог родиться тринадцатого,— размышляла в ожидании Таисья Семеновна, раньше не задумывалась, а сегодня само как-то в голову пришло,— потому, видно, и нет счастья в жизни. Может, Вадик телеграмму пришлет или открытку,— мечтала старая женщина,— хотя вряд ли».

Стрелки на циферблате перевалили пятичасовую вечернюю отметку. На улице заметно потемнело, в доме сгустились сумерки. Старуха сидела на стуле, безучастно глядя на накрытый стол. Нет гостей! Некому разделить ее одиночество.

Темно. Свет включать не хотелось. Однако встала, щелкнула выключателем. Девятый час. «Теперь уж точно не придут. Что ж, Карасиха обещала, и другие кивали утвердительно,— все думала и думала старуха.— И почтальона с телеграммой нет. Хотя, какой почтальон в такую глушь потащится».

«Одна. Совсем одна. Тоска,— старуха сидела, не шевелясь.— Хоть бы половица скрипнула или мышь зашуршала. Гробовая тишина. Кота надо было бы завести, все веселее».

Вдруг Таисья Семеновна вспомнила, что с утра ничего не ела, все для гостей готовила, а сама... Даже чайник, поставленный на плиту по утру, просто выключила, когда вода в нем закипела. Но на удивление самой себе, чувства голода не испытывала.

«Двенадцать. Вернее полночь,— все ее ожидания праздника рухнули окончательно.— А как хотелось посидеть с женщинами, рюмочку выпить, поговорить, поплакаться о жизни по-бабьи. Не получилось. Что ж, видно, быть одной суждено, и умереть...» — эта мысль поразила ее. «Умереть!»

Старуха встала со стула, прошлась по комнате в раздумье, остановилась, упершись взглядом к облупленный угол. И снова красный, желтый, черный... проклятые кирпичи, постылая комната, постылая жизнь! Тоска, разрывающая душу, завладела пожилой женщиной, и она беззвучно заплакала. Гримаса безутешного горя исказила ее лицо, по щекам неудержимо катились слезы.

Вдруг глаза старухи прекратили слезоточить, появилась в них некая искра уверенности от единственно правильно принятого, как ей казалось, решения. Она взяла с подоконника школьную тетрадку в клеточку и простую шариковую ручку. Села к столу, на мгновение задумалась.

Раскрыв тетрадь, только и написала: «Простите, люди!» Всего два слова! Два простых слова, вместивших в себя всю тоску, всю боль конченного человека.

Прочла написанное, будто занималась сочинительским творчеством. Вырвала клетчатый листок и поставила к бутылкам, окруженным закусками.

Встав со стула, старуха прошла в кухню, повернув рычажок, перекрыла доступ газа в АГВ. Огонь в агрегате погас. Через минуту вновь открыла, газ зашипел, но, не найдя источника огня, — не загорелся. Задвинув вытяжную заслонку, она подошла к варочной плите, повернула ручки всех четырех конфорок и духовки в рабочее положение. Пропан с шипением и приторным запахом тухлого яйца стал быстро заполнять маленькое помещение кухни.

Таисья Семеновна прошла в комнату, легла на диван и последнее, что она увидела — разноцветные кирпичи в облупившемся углу.

Яков Шафран
(г. Тула)

Родился в п. Брагин в Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил Тульский политехнический институт и в 1997 г. высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ, активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов и прозы — «Любимая, прости» (2008 г.) и «Спасение рядом» (2009 г.). Участник поэтических сборников в Москве: «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета Душа» и в Туле: «Приокские зори», «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса» и «Лира». Участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», стихи опубликованы в книге «Мы помним...». Член литобъединения «Пегас», один из создателей литературного клуба «Ковче». Живет в Туле, 59 лет.

СЛУЧАЙ В ЛЕСУ

Было восемь часов еще темного зимнего утра, когда, надев спортивную форму, вязаную шапочку и шерстяные рукавицы, обув ноги в толстые шерстяные носки и кроссовки, Виктор вышел из дома на длительную воскресную пробежку. Он и в будние дни бежал вечером после работы, но на менее длительные дистанции.

Бег трусцой был во многом полезен для Виктора. Во время неспешного и ритмичного бега сбрасывалось нервное напряжение, мозг и весь организм наполнялись энергией, возникали и в течение двух-трех дней поддерживались хорошее настроение и работоспособность. Но всегда был риск переборщить по времени или по длине дистанции. Тогда наваливалась усталость, через некоторое время исчезала энергия и хорошее настроение, то есть наступал обратный эффект. Это было в самом начале его занятий бегом. Теперь он научился грамотно выстраивать график занятий и тренировочную нагрузку давал себе в соответствии с самочувствием, а во время бега периодически измерял пульс с помощью секундной стрелки на часах. Благодаря этому, эффект от занятий превосходил эффект от всех других методов оздоровления и физической культуры.

Шел небольшой снег. Мороз был довольно крепок, но ветра не было. Поэтому Виктору в движении было не холодно. Он бежал не по самой улице, где уже, несмотря на воскресное утро, двигался непрерывный поток машин, а дворами, чтобы не дышать выхлопными газами. Отсюда было недалеко до пригородного леса, через который шла дорога.

Дворы были почти пусты. Пробежав между домами, он оказался на просторе небольшого поля, за которым виднелся лес. После двухкилометрового бега организм привычно втянулся в бег, мышцы работали привычно легко, и дыхание было ровным.

На северо-востоке заалело, и поднялся небольшой ветерок. Когда Виктор подбежал к лесу, поднялся сильный ветер. Он выбежал на дорогу, которая тянулась через лес вдаль километров на тридцать. За ночь она была уже основательно занесена снегом. Бежать по ней было тяжело, но выбора не было, так как возвращаться обратно он не привык. В будни заполненная машинами, утром зимнего воскресного дня дорога была пуста. Ветер со снегом дул в лицо. В основном это был снег, поднимаемый ветром с дороги, потому что сверху падал лишь небольшой снег. Стал замерзать нос. Он прикрыл его рукой в рукавице и дышал через нее. Когда нос оттаивал, он опускал руку. На усах и бороде от влажного дыхания образовывались сосульки. Он прикладывал руку ко рту, оставляя нос свободным, пока ледышки не оттаивали. В это время снова замерзал нос. Так попеременно меняя руки и прикладывая их то к носу, то ко рту, Виктор преодолевал двадцати пяти градусный мороз.

Часы показывали тридцать минут бега.

«Значит, пробежал пять километров»,— подумал Виктор, зная свою среднюю скорость.

Остановившись, он снял рукавицу, сунул ее под мышку и, повернувшись к ветру спиной, положил два пальца на запястье другой руки. Оголенная кисть была повернута так, чтобы видеть циферблат часов. Виктор засекал время и подсчитал количество ударов за десять секунд. Затем он умножил их на шесть — это и было значение пульса, то есть количество ударов в минуту.

«Двадцать два... так, значит, сто тридцать два... Чуть больше, чем следовало бы, но, если учесть занесенную снегом дорогу и ветер навстречу, то нормально».— И он продолжил бег.

* * *

И все же периодически возникала мысль — вернуться. Но Виктор не давал ей одержать верх. Этому способствовала и принятая им система тренировок, по которой даже единичная уступка себе могла вызвать за собой вторую, третью...

И так уступки могли войти в привычку, и разрушить стройную с точки зрения физиологии, логически выверенную систему. Он знал, что хаотичные и бессистемные занятия никогда не могут привести к формированию тренированности, как к физическим, так и к психологическим нагрузкам и создать запас энергии в организме, столь необходимый в наше время ускоряющихся ритмов. Когда он говорил об этом, многие люди не верили. Особые сомнения у людей вызывали его утверждения о выработке психологической тренированности при длительном беге трусцой. Но свою правоту Виктор черпал не из книг, а из собственного опыта преодоления трудностей не только физического, но и психологического плана во время занятий. Такими трудностями были и монотонность, и реакция окружающих, и погодные условия, и внутренний настрой. Поэтому, зная об этом, он никогда не поворачивал назад и все трудности принимал, как дополнительный тренирующий эффект. Вот и сейчас он продолжал свой бег по дороге. И ему оставалось пробежать еще километра три до памятника воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, который стоял на расстоянии чуть более двенадцати километров от его дома. Это будет как раз половина запланированной на сегодня дистанции.

Уже было светло. По-прежнему шел небольшой снег. Ветер был не таким сильным, так как дорога постепенно повернула почти на девяносто градусов, и лес частично смягчал порывы ветра. Вокруг дороги стояли высокие, покрытые снегом сосны и ели. Над ними висело низкое светлое серое небо. Тишину нарушали лишь скрип снега под кроссовками, резкие вскрики птиц и легкий свист ветра, сдувавшего с веток сухой мелкий снег. О настоящей же силе ветра говорили лишь шатающиеся из стороны в сторону верхушки деревьев.

Но вот послышался какой-то посторонний звук. Виктор обернулся и где-то в трехстах метрах от себя увидел фигуру бегущего человека.

«Быстро бежит,— оценил он.— Спортивный бег, минуты три на километр. Тоже тренируется, но с другой целью, к соревнованиям, наверное, готовится».

Спортсмен заметно приближался. Ранее, особенно в первый год занятий, когда Виктора догоняли и перегоняли, у него всегда возникало желание ускориться. Но сейчас, будучи уже опытным физкультурником, он на дух соревновательности не попадался. А раньше из-за этого были и срывы, и возвращение занятий чуть ли не к самому началу.

* * *

Виктор бежал, любуясь окружающей снежно-еловой сказкой, изредка вглядываясь в даль — не виден ли среди деревьев памятник. Вдруг он заметил на дороге какую-то черную точку.

«Похоже на пень,— подумал он, оценив расстояние.— Может быть, спилили дерево? Да, но деревья на дороге не растут».

Вглядевшись повнимательнее, он заметил, что точка двигалась, и двигалась навстречу, постепенно увеличиваясь в размерах. Виктор оглянулся — спортсмен был уже практически рядом с ним, но «точки» видимо не видел, так как бежал, опустив голову. Дистанция между Виктором и движущимся объектом, который он вначале принял за пень, сокращалась, и он мог уже рассмотреть голову, мерно опускающуюся и поднимающуюся в такт бегу, и семенящие по снежной дороге лапы.

«Собака... Но собаки вдали от жилья по дороге не бегают. От города он отбежал уже на приличное расстояние, а до села было еще далеко. Что тут делать собаке? — размышлял он.— Волк?! Только этого не хватало. Что делать?..»

Виктор обернулся. Спортсмен, похоже, увидел движущийся по дороге объект и семенил за спиной Виктора, вглядываясь в даль.

— Что это? — прокричал он.

— А я знаю?!..

— А если волк?

— Тогда будем вдвоем держать оборону.

— Может там, среди деревьев еще волки бегут? — спортсмен поравнялся с Виктором, но смотрел не на него, а на дорогу.

— На дерево залезешь — замерзнешь через час в такой мороз да в спортивной форме. И огонь развести нечем — зажигалок и спичек у людей, занимающихся здоровым образом жизни, с собой не бывает,— ответил Виктор и потрусил вперед.

— Да уж... — вслед ему проговорил спортсмен.

Между тем «объект» приблизился настолько, что его уже можно было рассмотреть. Он был не собакой и не волком. Это был кабан — худющий, бока впали почти до самого хребта, щетина на загривке торчком. Он бежал, чуть пошатываясь, заплетаясь лапами, слегка загребая снег.

Спортсмен остановился, семеня на месте, видимо, не решаясь ни бежать навстречу голодному кабану, ни убежать от него. Виктор тоже немало перетрухнул, особенно, когда увидел кабаньи клыки и маленькие желтые глазки, уставившиеся на него. Он еще раз оглянулся на спортсмена. Тот по-прежнему топтался на месте... У Виктора «засосало под ложечкой», забилось сердце, но он продолжал по инерции двигаться вперед. Кабан бежал строго по прямой, и эта прямая упиралась своим концом в Виктора.

«Что-то нужно делать... Это — испытание,— подумал он и вспомнил, как поступает, когда видит во время бега собаку. Нужно сказать, что от собак он натерпелся

достаточно, особенно, когда только начинал заниматься бегом. Тогда бегуны были редки и непривычны, как для людей, так и для собак. И всякая собака считала своим долгом, если не кинуться на бегущего человека, то, по крайней мере, залаять на него. Виктор вначале шарахался от собак, останавливался при виде их и переходил на ходьбу. Но вскоре он нашел метод, который помог ему избавиться от этой проблемы. Однажды, увидев собаку, он стал думать о ней что-то хорошее, типа того — какая она красивая, добрая и умная. И произошло чудо. Собака, вместо того, чтобы повести себя, как обычно, опустила голову, стала обнюхивать землю вокруг себя и завилала хвостом. Виктор проверил метод еще несколько раз и понял, что тот действует. С тех пор он, увидев собаку, применял его всегда.

«...Но это собака, а тут кабан, да еще изголодавшийся. Вон, уж и слюна капает с клыков», — Виктору стало не по себе.

Спортсмен остался метрах в ста позади и не двигался ни вперед, ни назад, семеня на месте, видимо, наблюдая, что произойдет дальше, — нападет ли кабан на попутчика, убежит в лес или двинется на него самого.

Виктору уже доводилось встречаться с кабанами и в лесу, и в открытом поле. Но встречи те были на безопасном расстоянии, и к тому же Виктор находился в машине. Видел он кабанов и вблизи, но это было в зоопарке и в цирке, они находились за толстой железной решеткой. То были совсем другие кабаны — дрессированные, ходящие как собачки на задних лапах, наученные людьми играть и танцевать за несколько кусочков пирога. Отчасти они походили в этом на людей, которые за деньги, а порой и просто за пропитание, могли жить, делать и говорить по повелению того, кто платил им. Души дрессированных кабанов были переделаны, изуродованы человеком, они были не свободны в своем выборе.

Сейчас же была другая ситуация. Перед Виктором был кабан, вокруг которого не было никаких железных ограждений, и он был рядом, и бежал прямо на него, и в хищном праве своем мог сделать все, что хотел. Человек и кабан, царь природы и дикое животное — обитатель леса. Виктор решил — была, не была. Он и кабан продолжали трусить навстречу друг другу. Виктор, опустив голову и не глядя на кабана, стал молиться. Как и в случаях с собаками, он успокоился, исчез, как и не бывало, страх и появились доброжелательные мысли: «Какой хороший кабанчик! Смотри, какой красавец! Молодец, хороший, красивый, добрый, умница!..»

Кабан продолжал двигаться все так же навстречу. И Виктор тоже не сворачивал. Он боковым зрением видел клыкастую морду кабана, обонял запах близкого животного... Их взгляды встетились. Взгляды не царя природы и животного, не заклятых врагов, не повелителя и слуги, а взгляды друзей. И Виктор знал, здесь сработала не какая-то магия, не какое-то внушение, а великая сила Любви, возникшей в ответ на благоговейную, идущую от сердца молитву. Сработал важнейший закон — закон единственно верных взаимоотношений на Земле между живыми существами.

И произошло чудо! Кабан внезапно сделал чуть заметное движение в сторону, чтобы дать достаточное место для жизни. И не нарушив воображаемый огороженный прозрачной оградой путь, почти в метре за Виктором резко повернул вправо. Виктор, продолжая двигаться вперед, вновь стал молиться, благодаря Бога за помощь, за чудесное познание силы Любви, и все также с любовью думать о кабане. А тот, пробежав еще метров пятьдесят по дороге, по тропинке углубился в ели.

Спортсмен моментально нагнал Виктора и в течение нескольких минут удивленного и, в то же время, почтительного молчания бежал рядом со скоростью «трусуна», как иногда спортсмены полупрезрительно называют бегунов-физкультурников.

— Что вы с ним сделали? — спросил он, в конце концов.

— Ничего особенного... — ответил Виктор.

КАЧЕСТВО ВРЕМЕНИ

Звонкий голос никак не вязался с ситуацией. И такой назойливый — над самым ухом — и все ближе, и все громче!.. Он закрутил головой и проснулся.

По тропинке рядом с тем местом на поляне, где он лежал, молодая женщина вела группу детей младшего школьного возраста. Край ее длинной и широко развевающейся юбки задевал его тело. Голос принадлежал ей.

«Видимо учительница или воспитательница,— подумал он.— И что раскричалась так, будто не видит, что человек отдыхает?»

Группа прошла дальше, все снова стихло, но заснуть он уже не мог.

Был летний солнечный день. Стрекотали кузнечики, пели птицы, шелестел ветерок. В высоком голубом небе не было ни единого облачка. Казалось, если так, лежа на спине, долго-долго смотреть ввысь, то можно улететь и раствориться в его беспредельности. Солнце уже основательно припекало, но вставать совсем не хотелось. Ведь уже года два он не мог выбраться на природу.

«И, правда, зимой и летом — одним цветом, зеленый в офисе сидел», — невесело и почти стихами пошутил сам над собой.

Приходилось часто работать по выходным и брать работу на дом. Многие его друзья работали менеджерами в коммерческих фирмах, но ни у кого не было такого объема отчетности из-за огромного ассортимента продукции, как у него. Такой режим настолько вошел в плоть и кровь, что, когда не было работы, он убивал время за компьютером, бездумно путешествуя по сети, или столь же бездумно переключая кнопки на пульте управления телевизором. Благо жил он со старушкой мамой, и никто не мог помешать делать то, что хотелось...

Шум проехавшей электрички отвлек его от раздумий. Он посмотрел на часы. «Так, следующая в сторону города через час...» — автоматически констатировал он. Была середина дня, отдыхать бы да отдыхать. Но вечером — застолье по случаю дня рождения шефа и бывшего друга студенческих лет.

То, что он оказался сейчас на природе, получилось, благодаря визиту в одну смежную фирму в районе станции метро «Кантемировская». Ему удалось очень быстро решить все вопросы. А так как сегодня вечером был запланирован, как сейчас говорят, корпоратив, перед которым участники получали три часа свободного времени, то он позвонил шефу и получил от того добро на то, чтобы не тащиться через всю Москву, а ехать домой, готовиться к вечеру. Обрадовавшись неожиданно свалившейся на него свободе, он сел в Царицыно в электричку и поехал за город.

«Глаза бы мои не видели ни шефа, ни всех этих порядком наскучивших коллег! Но... должность, эта должность... Нужно поддерживать отношения, общаться, участвовать в общих мероприятиях, иначе будешь не своим», — думал он.

А что такое быть «не своим» он уже испытал на прошлой работе. Там, всячески отделяясь от коллектива, он уходил в свой внутренний мир, где было хорошо и уютно, и откуда так не хотелось никуда «выходить»... Это привело к тому, что на него постоянно смотрели косо и подозрительно, при его приближении смолкали все разговоры, его перестали приглашать на вечеринки даже по большим праздникам. В итоге, когда появился «свой», могущий выполнять обязанности, его потихоньку «ушли» по собственному желанию. И теперь, наученный горьким опытом, он дорожил своей должностью, которая давала неплохие деньги и приличный уровень потребления. Только с отдыхом ничего не выходило. Шеф не любил выезды на природу, и весь «корпоратив» заключался в ресторанных посиделках, боулинге со спиртным, посещениях поп-концертов и спектаклей авангардных трупп, и в том же духе, то есть в духе шефа.

Им завладело непреодолимое желание отдыхать. Но страх потерять работу был

сильнее. Поэтому, несмотря на сильное желание никуда не идти, вообще не вставать и не двигаться, он все же приподнялся и сел. А в траве рядом с ним кипела жизнь. Десятки разных насекомых целенаправленно выполняли какие-то, им одним известные, действия, согласно программам, заложенным в них изначально.

«И счастливы они, наверное, и никаких сомнений, и никакой рефлексии не ведают. Почему же я несчастен? У меня ведь есть точнейшие инструкции в отношении всех действий по работе и программы деятельности по всем необходимым направлениям. Делай — получай — потребляй!.. Почему же мне нехорошо то так?!»

Его существо разделилось как бы на две части. Одна побуждала его встать, а другая — очень этого не хотела. Некоторое время внутри шла борьба. В конце концов, победила вторая часть его существа, и он откинулся на спину, сорвал длинную травинку и, как в детстве, стал ее задумчиво жевать...

Сколько он так пролежал, наслаждаясь контактом с землей, травой, наслаждаясь всей жизнью вокруг себя, он не знал. Но ему было хорошо, так хорошо, как не было уже давно... Начало темнеть.

«Да что же это я? Они там уже начали собираться! — встрепенулся он и представил очередную всенощную посиделку с вином, «девочками» и всем, что в таких случаях полагается.— И, если меня там не будет, это первый сигналом для них, что я становлюсь «не своим»...»

Он быстро вскочил, оделся и, размахивая кейсом, быстро пошел к станции. Но, несмотря на принятое решение и решительные действия, что-то было не так. Физически это выражалось в неприятном чувстве, как говорят в народе, «сосания под ложечкой». Его тянуло вместо «корпоратива» поехать в вечерний парк, окунуться в его прохладу и бродить, бродить, вспоминая свои давние ощущения от контакта с деревьями и вечерним небом, которые постоянно живы в нем. Он остановился, потоптался на месте, но, решив подумать в электричке, продолжил свой путь к «железке».

На перроне было почти безлюдно. Многие, в основном дачники, уехали с предыдущей электричкой. А новая их партия еще не успела накопиться. Вдали показался поезд. За лесополосой в лучах заходящего солнца ярко блестел золотой крест местной церкви. Крест надолго привлек его внимание. Глядя на него, он почувствовал, что куда-то понемногу уходит беспокойство, отрицательные эмоции. Возникло желание вспомнить какую-нибудь молитву, которым в детстве учила бабушка. Но кроме двух-трех слов вспомнить ничего не удалось.

В это время загрохотал въезжающий на станцию пассажирский поезд и заслонил лесополосу с крестом. Поезд почему-то затормозил и остановился, хотя на этой станции пассажирские никогда не останавливаются. Прямо перед ним оказалось окно ярко освещенного купе, в котором сидели две женщины и мужчина. Они о чем-то беседовали, изредка поглядывая на перрон и, как ему казалось, на него.

«Боже мой, хорошо бы сейчас сесть вот в такой поезд, оказаться вот в таком купе и поехать, куда глаза глядят — на новое место, в другую, новую жизнь. Что меня здесь держит? — подумал он, и сердце его забилося.— Все, что нужно и что у меня есть, все это со мной — голова, руки, ноги, знания, профессия, навыки, опыт, даже премия, полученная вчера в конверте, и зарплата, выданная ранее, на карточке лежит... Уехать куда-нибудь в провинцию и начать жизнь заново, без этих попок и «развлечений» и ненужного, а порой и противного его душе общения. И нужно-то всего для этого сделать сейчас несколько шагов, постучать в окошко проводника, показать приличную купюру, сесть и уехать... Сколько еще простоит этот поезд — минуту, две, три, а может быть пять секунд?.. Нужно решиться!»

Все бурлило и кипело в его душе, но он продолжал стоять, как и стоял. Вот поезд тронулся, поехал... Люди, сидящие в купе, улыбнулись ему и помахали рукой, как водится у пассажиров. Это вывело его из ступора, и он сделал шаг, два, пошел быст-

рее, наконец, потрусил и побежал... Но было уже поздно, поезд начал набирать скорость. Мимо него мелькали окна купе и таблички «Симферополь — Москва».

«Поздно, поздно, опять поздно...» — в отчаянии подумал он и остановился.

На перроне раздались смешки, и одна женщина покрутила пальцем у виска. Но он отнесся ко всему совершенно равнодушно. Что это было по сравнению с тем шансом, который ему выпал, и который он упустил? Виктор знал, что это был шанс, так как, снова окунувшись в ту жизнь, которую он вел, он не сможет собраться с силами и совершить такой поступок — взять и уехать на новое место, в новую жизнь...

Уже стемнело. Подошла электричка. Он сел и, закрыв глаза, погрузился в себя.

«Все нормально, я еще успею к началу... Жаль только, что не заехал домой. Не помешало бы принять душ и переодеться», — пытался успокоить он себя.

Мерно постукивали колеса, периодически звучали названия станций, электричка останавливалась, выходили и заходили люди — шла обычная дорожная жизнь. Он открыл глаза и стал вглядываться в темноту. Скоро должны начаться пригороды огромного мегаполиса. Да вот и огоньки, дома — старые и современные, низкие и высокие. И среди них храм — весь освещенный, большой белый с синими куполами и звездами на них, весь освещенный храм.

«Наверное, служба идет», — подумал он. И вдруг в его сознании всплыла одна молитва — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Он повторил ее несколько раз, и ему стало легче. Храм уходил на задний план, а поезд продолжал двигаться к Москве. Он повернул голову, провожая храм и повторяя про себя молитву.

«Завтра же, непременно завтра, нужно зайти в церковь возле дома и поговорить со священником!» — решил он.

Оставшиеся полчаса пути пролетели незаметно, будто что-то произошло с самим временем. Оно не тянулось как обычно, когда он не был занят работой. Будто изменилось качество времени. И когда диктор объявил: «Граждане пассажиры! Наш электропоезд прибывает на конечную станцию «Москва — Курская». Просьба, перед выходом проверьте, не оставили ли вы в вагоне свои вещи» — это его не раздражало уже, как обычно.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ПРИТЧИ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

ГОЛОС С НЕБА

Я находился в том сладком состоянии между бодрствованием и засыпанием, когда сознание замутняется, настроение становится ровным и спокойным, тело расслабляется, а мозг готовится к отдыху. Жизнь и сновидения — это страницы одной и той же книги. И потому порой бывает сложно провести между ними грань, которая определенно сказала бы, в каком состоянии ты сейчас находишься.

Так и я, лежа в удобной позе на диване, дремал, полностью предавшись состоянию неги и сладкого покоя. И вдруг вкрадчивый голос, раздавшийся откуда то сверху, спросил меня:

— А скажи, отче: какой цвет ты больше всего любишь?

Я боялся обидеть Господа Бога, выбрав любой цвет из той обоймы небесной радуги, которую он создал: ведь, все они одинаково хороши и необходимы для жизни. Конечно, у меня был любимый цвет, но я сомневался, одобрит ли Он мой выбор?

— Лиловый,— мысленно проговорил я, ожидая реакции Голоса с неба.

— Вот и прекрасно,— раздалось мне в ответ.— Этот выбор говорит о твоей неординарности и творческой направленности мышления. Когда ты проснешься, не беспокойся о том, что неправильно ответил. Страшен не сон, а его толкование. Живи с миром!

ЧУДО

Я долго не решался сесть за руль автомашины, боясь, что сразу попаду в аварию. Но, наконец, созрел и купил автомобиль. Американская иномарка «Шевроле» оказалась настолько удобной, комфортной и проходимой, что я быстро освоился в ее управлении, и скоро почти ежедневно ездил на дачу кормить трех собак, прижившихся у меня.

Зимним январским днем я вновь отправился на дачу. Несмотря на нечищеную дорогу, поехал прямо к калитке. Накормил собак, кошку, которая осталась зимовать на соседней даче, и поехал домой. Но снежный наст сбил меня с пути, и машина съехала в кювет. Здесь уже не могли помочь ни шипованная резина, ни лопата, которой я откапывал колеса.

Целый час я пытался выбраться из снежной ловушки. Смеркалось — зимой темнеет быстро. Вокруг в радиусе нескольких километров не было ни души: кроме меня в наш дачный кооператив в это время не ходил и не ездил никто. И только верные друзья — собаки расселись вокруг меня и машины, ожидая, что же я буду делать дальше: останусь с ними в морозной ночи, или все же уеду, как обычно. И хотя сейчас я понял, что лучшее, что есть у человека — это собака, легче от этой истины мне не становилось.

Я сунул руку в карман куртки: мобильного телефона не было, забыл его дома. Значит, и позвонить, чтобы позвать на помощь, не удастся. В отчаянии я сел в машину, чтобы хоть немного согреться. И вдруг увидел иконку Святого Николая Чудотворца, которую постоянно держу в автомобиле. Взял ее, поцеловал и попросил:

— Святитель Николай, помоги. Одна надежда только на тебя и чудо.

Вылез из машины, взял лопату в руку и склонился над колесом, чтобы откапывать его дальше. И вдруг с небес раздался голос:

— Вам помочь?

Я поднял голову: надо мной стояли два парня и девушка. Откуда они появились в этой глуши без дорог и тропинок? Как я не увидел и не услышал их раньше?

Дальше события развивались, как в сказке. Сначала они подтолкнули машину, а затем один из них сел за руль и быстро вывел ее на твердую дорогу.

— Откуда вы? — спросил я. — Как здесь очутились?

— Мы из Иерусалима, — ответили парни. — Приехали в гости к местным священникам. А сюда пришли фотографировать виды зимнего леса.

Расстались мы, как друзья. А я, ведя автомашину по зимнему городу, еще долго вспоминал эту необыкновенную помощь, пришедшую ко мне в самый критический момент, и иначе, как чудо, объяснить ее не мог. И, хотя сказано в Писании, чудеса — там, где в них верят, поверить в свое счастье и удачу никак не мог.

ПОРОК СЕРДЦА

Человек любит говорить о своих болезнях, хотя это самое неинтересное в его жизни. Вот и я поступил также, когда внезапное грозное известие о проблемах со здоровьем посетило меня. При очередном диагностическом обследовании врач буквально пригвоздил к креслу, сообщив, что у меня врожденный порок: дырка в сердце размером в десять миллиметров. И что при каждом ударе сердца дополнительный ток крови поступает в правое предсердие, расширяя его и приводя к катастрофе.

И, хотя один юморист заметил, что одна из самых распространенных болезней — это ставить диагноз, мне уже было не до шуток. После этого как-то само собой стало случаться, что сердце начало давать сбои. Результаты обследований становились один страшнее другого. И, наконец, кардиолог решил: надо делать операцию на сердце, чтобы зашить эту самую «дырку». Меня стали готовить к поездке в Москву, поставили на очередь для получения квоты.

Я уже смирился с неизбежным: с судьбой не поспоришь. Почти год прожил я с этой страшной новостью. Во всех медицинских картах у меня появилась запись: «Дефект предсердной перегородки. Врожденный порок сердца с дилатацией правых отделов». А один знакомый писатель утешил, сказав: «Мы не знаем, для чего живем, а врачи не знают, от чего мы умираем».

И вот, когда было решено отправить в Москву на операцию, я зашел в мой любимый храм: Церковь Николы на Ржавце. Там есть удивительно мощная по энергетике и силе воздействия тульская икона Святителя Николая Чудотворца, моего самого любимого святого. Помню, как я совершил паломническую поездку на его родину в

местечко Мирры Ликийские, которое находится на территории современной Турции. К счастью, в церкви, где служил Святой Николай, мраморная усыпальница, в которой он был похоронен, доступна каждому. Я подошел к ней, положил на холодный мрамор руки и преклонил голову, закрыв глаза. Так я постоял несколько минут, и вдруг ощутил такую силу, исходящую от гробницы, что у меня невольно закружилась голова. С тех пор я всегда помню об этом чудодейственном знаке, ниспосланном мне Святителем Николаем.

И в тульском храме я помолился и рассказал Святому о предстоящей операции, даже не помышляя о просьбе в решении данной проблемы. Из церкви уходил просветленным и ободренным. Словно следуя совету свыше, на приеме у кардиолога вдруг заинтересовался, кто в диагностическом центре считается хорошим врачом-диагностом. Мне назвали фамилию. Пришел на повторную эхокардиографию.

И вдруг случилось чудо! В то, что услышал от врача, поверить не мог: нет никакого порока сердца! У меня обычный прямой кровоток, предсердие не увеличено, операции не нужно!

В голове все смешалось: как же так — врачи в течение года в один голос утверждали: у вас порок сердца, нужна операция. Я сам в этом несколько не сомневался. Неоднократные суточные мониторирования сердца тоже говорили о сбоях в его работе. И вдруг — не вероятное! Сходил в церковь, поговорил с любимым Святым, и он совершил Чудо!

Потом, когда пришло избавление от страшного недуга, я и сам начал шутить: мол, диагностика достигла таких успехов, что здоровых людей практически не осталось, что легче бывает поставить больного на ноги, чем поставить диагноз и так далее. Но тогда я понял одно: если в сердце есть Вера, Господь Бог всегда придет на помощь.

Роман Романов
(г. Тула)

С СОСЕДКОЙ

Публикуется с 1986 года в армейской, центральной и тульской прессе, в литературных сборниках «За жизнь» и «На крыльях Пегаса», член литобъединения «Пегас».

Не первый день я знал новую соседку, переехавшую в один квартирный блок к моей матери. В определенные дни я появлялся там, чтобы полить цветы и когда я поздоровался с Анной Григорьевной в очередной раз, она рассказала мне о своем прошлом.

Родилась она в одном из сел Калужской области, в которой было больше сотни домов вдоль большака. Дед ее оказался здешним священником, бабушка помогала ему в церковных делах, и прожили очень долгую жизнь. Но это не помешало Анне поступить в медицинский техникум по специальности фармацевта, хотя она знала людей с похожим происхождением или сказавшими что не следует и получивших срок в сталинских лагерях. Побывала она и под немецкой оккупацией и заявила об этом куда следует, благодаря чему избежала участи беглых пленных, переживавших в их сельских болотах прихода наших войск. Когда же началось наступление нашей армии на орловско-курском направлении, она уже трудилась в одной из калужских больниц. Оттуда в приказном порядке было переведено десять человек в один из тульских госпиталей, тут же им была предоставлена и комната для совместного проживания. Работы было много, через ее руки проходило немало раненых сибиряков, среднеазиатов и кавказцев, позже — освобожденные из лагерей, расположенных у далекого Японского моря. А незадолго до окончания войны в их госпитале стали размещаться восемьсот старших офицеров. Тогда она была переведена работать по специальности на аптечный склад. Едва же здесь было проведено реформирование, они лечили пленных немцев.

— Те, кто происходил из богатых семей относились ко всем с презрением, а с бедными можно было ладить и по нормальному — говорила она.— Отец одного из них участвовал еще в первой мировой войне, был пленен и остался жить на Кавказе. Вот откуда у парня оказалось хорошее знание русского языка. Потом семьи были интернированы в Германию, и он после подготовки, получил направление на русский фронт и добровольно пошел в плен, понимая бесперспективность войны.

В 1949 году для Анны Григорьевны закончилась работа в госпиталях, и она стала обычным фармацевтом, работающим в аптеке. Потом было замужество, рождение детей, появление на свет внуков. Словом, началась мирная жизнь. Но и тут не давали ей покоя разнообразные жулики, желающие обмануть пенсионеров. Так и живет она теперь.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

БЕСНОВАТАЯ

Иногда Оксану охватывала какая-то необузданная бесноватая сила. Она выгибалась в дугу, хрипела, изо рта выходила тягучая слюна, зрачок правого глаза закатывался за веко, обнажая страшный пустой белок. В такие минуты она становилась агрессивной и опасной. Однажды, находясь в таком состоянии, Оксана схватила со стола кухонный нож и ударила им своего сожителя Леонида за то, что тот не поделился с ней самогоном. Физически сильный Леонид с трудом отнял у Оксаны нож и, прижав ее к дивану, держал до тех пор, пока кусавшая и царапавшая его Оксана, страшно и тяжело дыша, дрожа всем телом, затихла, а затем впала в долгий и глубокий сон.

— Дядя Леня, а мамка не умерла? — спросил у Леонида девятилетний Оксанин сын Юрка с испугом посматривая на лежавшую Оксану.

— Не умерла, не умерла, не бойся. Она спит, — успокаивал Юрку Леонид, прижимая к порезанной руке тряпку. — Иди-ка сюда, малец, помоги мне. Держи вот здесь и обматывай вокруг, — говорил Леонид, протягивая Юрке разрисованную татуировкой кисть руки. Юрка со страхом прикасался к набухшей от крови тряпке и неумело перебинтовывал раненую руку Леонида.

— Дядя Леня, а ты не умрешь? — спрашивал у него Юрка, заглядывая Леониду в глаза.

— Не умру, не умру, — попыхивая папиросой, отвечал Леонид, приподнимая от боли верхнюю губу и обнажая при этом вставленные железные зубы.

Юрка любил Леонида, как, наверное, любил бы своего родного отца, который умер, когда Юрка пошел в первый класс. Оксана после смерти мужа стала частенько задерживаться на работе и приходить домой выпивши. Свекровь Мария Петровна укоряла Оксану за это, но та отмахивалась от нее рукой, говоря, что нет ничего страшного, если она с подругами посидит в кафе и под бабьи разговоры о жизни выпьет немного шампанского.

Мария Петровна невзлюбила невестку с первых дней ее замужества. Однажды в пылу ярости она, укоряя сына за выбор жены, обозвала Оксану «детдомовкой», после чего между свекровью и снохой, как говорили их общие знакомые, пробежала черная кошка. Когда «бабьи разговоры под шампанское» стали происходить почти ежедневно, Мария Петровна пригрозила Оксане, что лишит ее родительских прав и выпишет из своей квартиры, а внука будет воспитывать одна. Услышав такое, Оксана не выдержала. Обзывая свекровь ведьмой и, обвиняя в смерти мужа, она избила Марию Петровну. Попробовав заступиться за бабушку Машу, второклассник Юрка схватил мать за подол платья и попытался оттащить в сторону, но не контролировавшая себя Оксана избила и Юрку. Утром пришел участковый милиционер и хотел привлечь Оксану, но Мария Петровна ради внука простила ее. Этот случай, а еще больше смерть сына, окончательно подорвали ее здоровье. Вскоре Мария Петровна заболела и спустя несколько месяцев умерла. Оставшись после смерти свекрови полноправной хозяйкой квартиры, Оксана стала приглашать домой в гости не только подружек, но и

друзей. Так в жизни Юрки появился Леонид. Юрка вначале боялся Леонида, особенно его, пугали вставные железные зубы Леонида, но со временем Юрка к Леониду привык, по-мальчишески привязавшись к нему.

— А что это у тебя на груди нарисовано, дядь Лень? — спрашивал Юрка, указывая на татуировку.

— Это, малец, церковь там нарисована.

— А зачем ты ее нарисовал? — допытывался Юрка.

— Ну, как зачем? — удивлялся Леонид, соображая, что бы ответить Юрке. — Ну, чтобы не забыть, сколько раз я Пасху не праздновал.

— И сколько раз? — не унимался Юрка.

— Считать умеешь? Вот и считай, сколько там куполов с крестами нарисовано, столько и раз, — отвечал Леонид.

— А почему у тебя на ноге нарисован ножик, а вокруг него змея? — продолжал задавать вопросы Юрка.

— Хватит докучать дяде Лене дурацкими вопросами. Иди лучше на улицу погуляй, — перебивала Юрку Оксана и легонько подталкивала его к двери.

— Ну, зачем ты мальчика-то обижаешь? — укорял Оксану Леонид. И Юрка, радостный, возвращался к нему.

Иногда Леонид куда-то уходил и не возвращался по нескольку дней. В такие дни Оксана была наиболее злой. Она покупала себе водки и напивалась пьяной, пела песни, а затем вдруг начинала плакать. Юрке в этот момент становилось жаль маму, и он, подойдя к ней, начинал гладить рукой ее голову. «Не плачь, мамочка, дядя Леня скоро вернется», — приговаривал он. Оксана переставала плакать и удивленно смотрела на Юрку пьяными глазами, словно видела его впервые. «Ах ты паршивый, — гневно говорила она, — твой дядя Леня такой же негодяй, как и ты. А ты знаешь, кто был твой отец? А эта старая ведьма... она...» — Оксана замолкала, руки ее начинали трястись. В этот момент Юрка боялся матери, он всегда убегал из дома и ходил по улице до тех пор, пока Оксана не засыпала. Когда ему на улице становилось холодно, Юрка всегда вспоминал мужественного капитана Гранта, которого он однажды видел по телевизору.

«Капитан Грант не боялся холода. Я, когда вырасту большой, то тоже стану капитаном корабля и буду, как капитан Грант, сильным и смелым. Буду в белой фуражке стоять на капитанском мостике, курить трубку и управлять кораблем. Капитаны самые сильные и смелые люди. А мамку свою я тоже с собой заберу на корабль. Там у меня не будет никакого вина, и мамка будет всегда трезвой и доброй», — мечтал Юрка, бесцельно бродя по улице. Несколько раз Юрку навещали школьные учителя, которые укоряли Оксану за пьянство, предлагали ей помощь в лечении от алкоголизма и в трудоустройстве, предупреждали лишением ее родительских прав, но это на нее не действовало. После их посещения она трезвой была всего несколько дней, а затем вновь срывалась и запивала пуще прежнего. Так продолжалось почти ежедневно.

Тот роковой день выдался пасмурным. Серое беспросветное небо накрыло город, и отбивавшие барабанную дробь по железному подоконнику дождевые капли разбудили Оксану. Встать не хотелось, она лежала с закрытыми глазами. «Что же со мной происходит? Куда я качусь? В какую пропасть? И где всему этому конец? — думала Оксана. — Как же было раньше хорошо! А когда это было? Это было так давно, когда еще был жив муж. Это мамаша его, старая стерва, довела его до смерти», — раздраженно подумала она, вспомнив Марию Петровну. Она открыла глаза, рядом лежал и сопел во сне Леонид. Оксана с трудом поднялась и, опираясь на трясущиеся руки, села на кровати. После вчерашнего вечернего застолья, состоявшегося по поводу возвращения Леонида, болела голова, а перед глазами все время появлялись темные пятна. Встав с трудом на ноги, она шатающейся походкой прошла на кухню и, пустив из крана воду, припала к нему губами. Попив, начала разглядывать пустые бутылки, надеясь найти в них остатки спиртного.

— Мам, а у нас покушать ничего не осталось? — услышала она голос Юрки, который сидел на стуле, и которого она не заметила.

— Там в сковородке должны остаться макароны,— нехотя ответила Оксана.

— Там нет ничего, я уже смотрел,— плаксивым голосом проговорил Юрка.

Оксана, молча, посмотрела на сына и, словно что-то вспомнив, ушла в комнату. Вернувшись, она протянула Юрке десятирублевую купюру.

— Сынок, сходи в палатку, что возле нашего дома, купи бутылочку пива, а то мамка болеет,— хрипло проговорила Оксана.

— Мне не дадут пива. В прошлый раз, когда ты меня посылала, мне сказали, что я маленький еще, чтобы пиво покупать,— возразил Юрка на предложение матери.— Давай я лучше схожу хлебушка куплю. И ты покушаешь и дядя Леня, когда проснется.

— Иди, сказала, пиво мне купи. А потом я сама что-нибудь поесть приготовлю,— тоном, не терпящим возражения, сказала Оксана.

— Потом, потом,— недовольно произнес Юрка.— Ты вчера тоже говорила, что потом куплю, а сама водку принесла и с дядей Леной напилась пьяными.

— Не смей обсуждать мать! — гневно произнесла Оксана.— Иди и купи мне пива!

Юрка взял деньги, надел куртку и, нахмутив брови, ушел.

В ожидании сына, Оксана принялась убирать со стола и мыть грязную посуду, оставшуюся с вечера, но работа не спорилась. Трясущиеся руки не слушались, и она, выронив и разбив тарелку, отказалась от затеи с мытьем посуды. Юрка возвратился быстро.

— Ну, что, купил пива? — встретила его вопросом Оксана.

— Мам, я деньги потерял,— взволнованно проговорил Юрка и взглянул на мать испуганным взглядом. Он был бледен.

— Как потерял? — после небольшой паузы, спросила Оксана. Юрка молчал.— Я тебя спрашиваю, негодный, как ты мог потерять деньги? Говори сейчас же! — срываясь на крик, визгливо спросила Оксана.

— Я сам не знаю, как это получилось. Я полез в карман за десяткой, а ее там не было,— испуганно стал оправдываться Юрка.

— Негодный, ты специально не купил мне пиво! Ты нарочно придумал о потере денег, а сам их спрятал где-нибудь! Где деньги?! Говори сейчас же! — возникшее чувство гнева на Юрку не давало Оксане покоя.— Сволочь! Скотина! Деньги решил у матери воровать? Ах ты, паршивец! Я тебе покажу, как деньги воровать! Я тебя сейчас воспитаю! — Оксана стала агрессивной, руки у нее затряслись, на губах пеной выступила слюна, зрачок правого глаза закатился за веко. Она схватила Юрку за волосы и начала трясти из стороны в сторону.— Негодный! Паршивец! Говори, где деньги?!

— Мамочка, миленькая, я не воровал деньги, честное слово, я их потерял. Прости меня, я больше так не буду! — кричал Юрка, но Оксана не слышала его оправданий, избивая Юрку по мокрым от слез щекам.

Изловчившись, Юрка вырвался от матери и бросился к двери, но замок как назло долго не открывался. Совсем потерявшая способность контролировать свои действия, Оксана схватила Юрку за ворот куртки и с силой толкнула. Юрка упал и ударился головой о дверной косяк.

— Что же ты наделала, стерва, над мальцом-то? — проговорил проснувшийся от шума и подошедший к ним Леонид, с ужасом взирая на распластавшегося у двери Юрку.

Осознавая, что она совершила, Оксана бросилась к Юрке.

— Сынок! Сынок! Прости меня! — трясла она его, но Юрка не шевелился. Затем Оксана с ужасом во взгляде отшатнулась от сына и вначале тихо, а затем все громче и громче, словно по-волчьи, завывала.

Обезумевшая, она выбежала на улицу и бросилась бежать, ступая босыми ногами по мокрому от дождя асфальту, а шквальный ветер, срывая с деревьев осенние желтые листья, со злостью швырял их в ее опухшее от долгого запоя лицо.

Юрка умер по дороге в больницу, а десятирублевую купюру нашел следовательно, когда осматривал Юркину куртку. Аккуратная свернутая бумажка лежала под подкладкой. Карман в куртке оказался дырявым.